

Грешница

Глава первая

Жарким днем в самом начале июля Кора Бендер решила умереть. Прошлой ночью она занималась любовью с Гереоном. Они делали это регулярно, вечером в пятницу и субботу. Кора не могла ему отказать, ведь она прекрасно знала, как сильно он в этом нуждается. Кроме того, она любила его. Это была не просто любовь, а еще и благодарность и безусловная преданность — нечто всеобъемлющее.

Благодаря Гереону Кора смогла стать нормальной женщиной и поэтому хотела, чтобы он был счастлив. Раньше она наслаждалась его нежностью, однако за последние полгода все изменилось.

Именно в сочельник Гереону пришла в голову идея поставить в спальне радио. Ночь накануне Рождества должна была стать особенной. В этот день исполнялось два с половиной года с тех пор, как они поженились. Их сыну было уже восемнадцать месяцев.

Гереону было двадцать семь лет, Коре — двадцать четыре. Он был почти метр восемьдесят ростом, стройный, подтянутый, несмотря на то, что не занимался спортом — ему не хватало на это времени. В детстве волосы у него были белокурыми

и только с возрастом немного потемнели. Лицо Гереона нельзя было назвать ни красивым, ни уродливым, оно было самым заурядным, да и сам он был вполне обычным человеком.

Во внешности Кора Бендер тоже не было ничего примечательного, если не считать шрамов на лбу и локтевых сгибах. Отметина на голове была следствием несчастного случая, а узловатые рубцы на руках — результатом серьезного воспаления, развившегося после того, как во время лечения в больнице ей сделали укол инфицированной иглой. Так Кора сказала Гереону. Еще она сказала, что подробностей не помнит. И это было правдой. Врач тогда заметил, что при тяжелых черепно-мозговых травмах часто случается потеря памяти.

В ее жизни была дыра. Грязная, темная глава. Кора знала об этом, хоть у нее и не было собственных воспоминаний. Несколько лет тому назад она каждую ночь проваливалась в темноту. Последний раз это случилось четыре года назад. (В то время Кора была еще не знакома с Гереоном.) Тогда ей каким-то образом удалось заткнуть эту дыру. Но потом случилось *это* — и именно в сочельник. С тех самых пор, как Кора вышла замуж, она не думала, что может снова туда провалиться.

Поначалу все было хорошо: негромкие рождественские мелодии и ласки Гереона,

постепенно становившиеся все более настойчивыми. Затем он медленно скользнул вниз, и Коре стало неприятно. А когда Гереон зарылся лицом у нее между ног и она почувствовала прикосновение его языка, музыка зазвучала громче. Кора услышала перестук барабанов, бас-гитару и пронзительные звуки органа — лишь на долю секунды, в следующее мгновение все стихло. Но этого оказалось достаточно.

Что-то внутри нее сломалось — или взломалось, словно надежно закрытый сейф, который кто-то решил обработать сварочной горелкой. Ощущение было нереальным, как будто она уже не лежала в своей постели. Кора чувствовала спиной твердую поверхность и что-то во рту, словно очень толстый палец прижал ее язык, вызывая совершенно нестерпимую тошноту.

Она машинально приподнялась, стиснув шею Гереона коленями. Еще чуть-чуть, и она сломала бы ему позвонки и задушила бы его. Однако Кора даже не заметила этого — так далеко она была в тот миг. И только когда муж, хрипя, ущипнул ее за бок, впившись пальцами в мягкую плоть, боль заставила ее очнуться.

Гереон с трудом переводил дух.

— Ты что, с ума сошла? Что ты делаешь? — Кашляя и ощупывая горло, он смотрел на Кору.

Ее реакция была ему непонятна. Да она и сама

не знала, что ее так испугало. Но Коре стало жутко. На секунду ей показалось, будто она ощущает дыхание смерти.

— Просто мне это не нравится, — отозвалась Кора, раздумывая о том, что же именно она услышала.

Музыка продолжала звучать, негромкая, нежная. Детский хор пел: «Тихая ночь, дивная ночь! Глас с небес возвестил: радуйтесь, ныне родился Христос». А что еще могло звучать в такой вечер?

Из-за столь неожиданной реакции жены у Гереона пропало желание. Он выключил радио, затем свет и натянул на плечи одеяло. И даже не пожелал Коре спокойной ночи, лишь проворчал:

— Ну что ж, нет так нет!

Он быстро уснул. Позже Кора не могла сказать, уснула ли вместе с ним. В какой-то момент она вдруг осознала, что сидит на постели, размахивает кулаками и кричит:

— Прекратите! Отпустите! Отпустите меня! Перестаньте, свиньи!

При этом у нее в ушах грохотали барабаны, повизгивала бас-гитара и надрывно стонал оргán.

Гереон проснулся, схватил ее за руки, встряхнул и тоже закричал:

— Кора, успокойся! Что с тобой?

Но она никак не могла очнуться. Кора сидела

в темноте и отчаянно боролась с чем-то, что медленно приближалось к ней, с чем-то, что, как она знала, должно было лишить ее рассудка.

Она пришла в себя лишь после того, как Гереон несколько раз ударил ее по щекам. Он хотел знать, что с ней происходит. Не причинил ли он ей вреда? В голове у Кору все еще не прояснилось, и она не могла ему ответить, а лишь сидела на постели и тарасилась на мужа. Через несколько секунд Гереон снова лег. Кора последовала его примеру, повернулась на бок и попыталась убедить себя в том, что ей приснился кошмар.

Однако следующей ночью, когда Гереон решил наверстать упущенное, это случилось снова, несмотря на то что теперь в спальне не было радио и он даже не пытался доставить ей «особенное удовольствие». Сначала в ушах у Кору зазвучала музыка, чуть громче и дольше — достаточно долго, чтобы она смогла понять: эту мелодию она никогда прежде не слышала. А затем Кора провалилась в черную дыру, из которой выбралась, крича и отбиваясь от чего-то невидимого. Ей удалось очнуться только тогда, когда Гереон встряхнул ее и стал бить по щекам, называя по имени.

В первую неделю января это произошло дважды, во вторую — один раз. Тогда, в пятницу, Гереон слишком устал. А в субботу он заявил:

— Мне начинает надоедать эта комедия.

Возможно, именно этим объяснялась его усталость в пятницу.

В марте Гереон настоял на том, чтобы Кора пошла к врачу.

— Ты должна признать, что это ненормально. Пора наконец что-то сделать. Или теперь так будет всегда? Тогда я лучше переберусь на диван.

К врачу Кора не пошла. Он наверняка спросил бы, нет ли у нее объяснения этому странному кошмару и почему это происходит именно тогда, когда Гереон с ней спит. Врач, наверное, попытался бы заглянуть в черную дыру и принялся бы убеждать Кору в том, что она должна что-то осознать. Он не понял бы, что бывают вещи, которые страшно осознавать. Кора решила попытаться счастья в аптеке. Ей порекомендовали слабое снотворное. Как бы там ни было, с его помощью ей удалось добиться того, что крики и размахивания руками прекратились. Гереон решил, что все наладилось. Однако это было не так.

Ситуация ухудшалась. В мае дошло до того, что вечером в пятницу страх медленно разрывал Кору изнутри. В начале июля вторая половина пятницы превратилась в ад.

Кора сидела в кабинете, представлявшем собой не что иное, как отгороженный от остального склада уголок. Над письменным столом горела

лампа, рядом стоял факс, на котором отображались дата и время.

Четвертое июля, шестнадцать пятьдесят! Десять минут до завершения рабочего дня. И примерно пять часов до того момента, как Гереон протянет к ней руки. Больше всего на свете Коре хотелось бы остаться здесь до понедельника. Пока она сидит за столом, она старательная и умная, она — душа и сердце фирмы свекра.

Это было семейное предприятие: она, Гереон, его отец и один наемный работник, Манни Вебер. Монтажная фирма, отопление и вода. Без Кору уже нельзя было обойтись. Она гордилась достигнутым положением, однако ей нелегко было отвоевать это место в служебной иерархии.

На следующий день после свадьбы свекор потребовал, чтобы Кора взяла на себя делопроизводство. И даже слушать ничего не захотел.

— Что значит «не умею»? Глаза ведь у тебя есть? Полистай книги — и научишься. Или ты думала, что будешь бездельничать?

Бездельничать было не в правилах Кору, и она сказала об этом старику. Он кивнул.

— Значит, тут и говорить не о чем.

Прежде свекру приходилось после завершения рабочего дня самому заниматься бумагами: его жена могла лишь отвечать на

телефонные звонки. Да и Кора поначалу мало что умела.

Старик не давал ей советов, не объяснял, как нужно поступить в той или иной ситуации. А для того, чтобы она могла разобраться в книгах, их нужно было вести как следует! Иногда Коре казалось, что свекор наслаждается ее беспомощностью. Вот только она недолго чувствовала себя беспомощной.

Кора быстро поняла, что к чему, стала осваиваться. Манна не посыпалась на нее с небес; даже за дощатые стены, отгораживавшие ее кабинет от склада, пришлось бороться.

Первый год она сидела в углу, в большом неотапливаемом и грязном помещении у всех на виду, за старым кухонным столом, за которым она чувствовала себя так же, как в родительском доме. Кора не решалась роптать, хотя старик даже не платил ей зарплату. Гереон получал деньги лишь на карманные расходы. За жилье и еду они не платили, автомобиль мужа был зарегистрирован как транспорт фирмы. Если им требовалось что-то еще, Гереон должен был спрашивать разрешения у отца.

Послаблений не было даже во время беременности. Кора сидела в своем уголке до самой последней минуты. Когда начались схватки, она как раз составляла смету для установки центрального отопления; она уже не могла сидеть и стояла у

стола, испытывая тянущую боль в спине. Из-за скорости, с которой все произошло, у свекрови началась истерика. Несколько сильных схваток, затем плодный пузырь лопнул, и Кора почувствовала давление внизу живота.

Сначала она не хотела ехать в больницу, но потом не выдержала и закричала:

— Мне нужна «скорая»! Вызовите «скорую»!

А свекровь стояла и тыкала пальцем в заваленный бумагами стол:

— Ты еще не закончила. Сначала разберись с этим! Не может быть, чтобы тебе было так плохо. Нельзя произвести на свет ребенка за десять минут! Я рожала Гереона целый день. Отец будет в ярости, если ты не закончишь все это сегодня вечером. Ты же знаешь, какой он у нас.

Да, Кора прекрасно это знала, ведь они с Гереоном со дня свадьбы жили под одной крышей с его родителями. Старик был тираном, никому не давал спуска. Свекровь пресмыкалась перед ним и с презрением относилась к остальным. Гереон безропотно выполнял приказы, а Кора была рабыней, купленной на большом рынке задешево — всего-то за иллюзию пристойной жизни, почти даром.

И тогда, стоя за старым кухонным столом и глядя на растекающуюся под ногами лужу, она поняла, что с нее довольно. *Сначала разберись с*

этим? Нет!

В больнице у нее появилось время спокойно подумать о своей жизни и понять, что в так называемых благопристойных отношениях есть подводные камни, что о надеждах на то, что мечты сбудутся сами собой, можно забыть. Вопрос заключался в том, сколь многим Кора готова была пожертвовать. Но с ребенком на руках ей было проще; как ни крути, эти семь фунтов веса были способны подкрепить любое ее требование.

Вернувшись через несколько дней из больницы, Кора начала воплощать планы в жизнь. В то время стали поговаривать, что она бестактная и даже наглая. «Дерзкая бабенка», — часто повторял старик. Она не была такой, но при необходимости могла меняться. Ясно ведь, что просить его без толку.

Кора оборудовала себе кабинет — настоящий, с письменным столом, шкафом для документов и отоплением. Отвоевала и другие привилегии: ей и Гереону стали платить зарплату. У старика случилась истерика: он кричал о ее бесстыдстве и жадности.

— Кто тебя научил запускать руку в чужую кассу?

Сердце у Кору едва не выскочило из груди, однако она не отступила.

— Либо нам с Гереоном будут платить, либо

мы уйдем в другое место. Выбирайте. Можете разузнать, сколько получают служащие в конторах. И тогда поймете, что еще дешево отделались. И не смейте говорить, что я запускаю руку в чужую кассу! Я эти деньги зарабатываю!

Отвоевать причитающееся им у старика было непросто. Но Коре это удалось, и около года назад у них с Гереоном появился собственный дом. Даже после рождения ребенка она все время боялась, что свекор укажет ей на дверь. «Иди туда, откуда пришла», — скажет он, а Гереон будет стоять рядом с огорченной миной. Он ни разу не поддержал Кору, ни разу не выступил в ее защиту.

Вскоре после рождения сына она с горечью поняла, что не дождется помощи от мужа. Однако теперь это уже не имело значения. Он такой: выполняет то, что от него требуется, а в остальном хочет, чтобы его оставили в покое. А по пятницам и субботам ему нужно немного любви... Против этого Кора не могла возражать, ведь любовь — это прекрасно, а еще совершенно естественно.

Четвертое июля, шестнадцать пятьдесят две! Нужно выписать еще один счет. Кора все время откладывала это, чтобы отвлечься в самый последний момент. Новый отопительный котел... Гереон вместе с Манни Вебером установили его в среду. На следующую неделю было запланировано еще два таких же. Новое постановление о

содержании вредных веществ в атмосфере заставляло людей утилизировать старые отопительные системы. Оно вступило в силу еще несколько лет тому назад, но многие избегали связанных с этим расходов, пока районный чистильщик дымоходов не начинал угрожать отключением старого котла.

Странная позиция. Люди прекрасно знали, что их ожидает. И ничего не делали! Выжидали. Словно старый отопительный котел мог внезапно, по собственному почину, начать соответствовать ужесточенным нормам выброса вредных веществ. Как будто дыра внутри тебя может вдруг взять и затянуться...

Четыре года назад это случилось. Не вдруг, на это потребовалось несколько месяцев. Тогда рядом с Корой еще не было Гереона, который одним движением руки разрушил кропотливый труд...

Четвертое июля, шестнадцать пятьдесят семь! Больше работы не было. В прошлую пятницу Кора могла бы еще заняться начислением зарплаты. Это была всего лишь уловка, однако она помогала ей сдерживать панику. Это было не похоже на обычный страх, на ощущение внутреннего дискомфорта. Красно-серый туман заполнял мозг Кору, проникая в каждый уголок и блокируя нервные окончания.

Все, рабочий день закончен! Негнущимися

пальцами Кора извлекла счет из пишущей машинки и тщательно проверила отдельные позиции. Ничего исправлять было не нужно, оставалось только убрать на письменном столе. Кора перевернула листок календаря. Понедельник! До тех пор была еще целая вечность — все равно что маленькая смерть. А ведь она была уже наполовину мертва.

Ноги не слушались Кору. Словно на ходулях она пересекла крохотный кабинет и склад и вышла во двор. На улице было очень тепло. С безоблачного неба смеялось солнце, напоминавшее детское личико. Его лучи были очень яркими, и у Кору начали слезиться глаза. Вот только вряд ли это было как-то связано со светом.

Дальше по улице находился дом родителей мужа. Их собственный дом стоял на том месте, где раньше был сад. Большое здание с современной мебелью, кухня-мечта из беленого дуба. Прежде Кора всем этим очень гордилась. Но в данный момент таких чувств, как гордость или самодовольство, не было. Был только страх сойти с ума. Лучше быть мертвой, чем сумасшедшей.

Почти до семи часов вечера Кора занималась домашними делами. Гереон еще не пришел. По пятницам он обычно отправлялся с Манни Вебером в кабак, выпивал пару бокалов пива. За ужином ровно в семь Кора и ее муж встречались в доме

свекра и свекрови.

В восемь они с Гереоном уходили к себе. Кора укладывала сына спать. Его нужно было просто положить в кроватку — свекровь уже позаботилась о подушке и пижаме.

Гереон усаживался перед телевизором, сначала смотрел новости, затем — художественный фильм. В десять у него начинали бегать глаза. Он выкуривал сигарету. Прежде чем зажечь ее, объявлял:

— Я покурю.

Он выглядел напряженным и неуверенным в себе. Уже несколько недель Гереон не знал, как вести себя с женой. Через несколько минут он тушил сигарету и говорил:

— Я пошел наверх.

С таким же успехом он мог бы щелкнуть плетью или сделать еще что-нибудь в этом роде.

Едва Кора поднялась с кресла, как он позвал ее:

— Кора, ты идешь? Я готов.

Гереон принял душ и почистил зубы. Еще раз прошелся бритвой по щекам и шее, капнул на кожу немного лосьона после бритья и теперь стоял в дверях ванной чистый, приятно пахнущий и милый. Из одежды на нем были лишь трусы. Сквозь тонкую ткань отчетливо просматривался возбужденный орган. Смущенно улыбаясь, Гереон

провел рукой по затылку (волосы там намокли, когда он принимал душ) и нерешительно поинтересовался:

— Или ты не хочешь?

Как просто было бы сказать «нет»! Какое-то время Кора даже подумывала об этом. Вот только проблему таким образом не решить. Отложить что-то еще не значит отказаться от этого навсегда.

В ванной она пробыла недолго. На полочке над умывальником лежала упаковка со снотворным. Оно было более сильным, чем то, что она принимала вначале, и упаковка была почти полной. Кора приняла две таблетки, запив их водой. Затем, немного помедлив, проглотила оставшиеся шестнадцать — в надежде на то, что их хватит, чтобы покончить с этим кошмаром. После она направилась в спальню, легла рядом с Гереоном и заставила себя улыбнуться.

Он возился недолго, стараясь как можно скорее с этим покончить. Поднес руку к ее промежности, чтобы проверить, готова ли она. Там было сухо. С тех пор как он попытался доставить жене «особенное удовольствие», так было всегда. Постепенно Гереон привык к этому. Он купил крем-смазку и втирал его нежными движениями, прежде чем лечь сверху и войти в нее.

И в этот момент начиналось безумие. В комнате было совершенно тихо, если не считать

дыхания Гереона, которое сначала было ровным, затем учащалось и становилось все более шумным. И тем не менее Коре казалось, будто где-то играет невидимое радио. Спустя полгода этот ритм стал для нее таким же привычным, как собственное сердцебиение: шуршащие, частые звуки ударных, сопровождаемые аккордами бас-гитары и свистом органа. Когда Гереон ускорял темп, звуки становились громче, пока Коре наконец не начинало казаться, что у нее вот-вот разорвется сердце. А потом все заканчивалось — обрывалось именно в ту секунду, когда муж падал на кровать рядом с ней.

Повернувшись на бок, он быстро засыпал. А Кора смотрела в темноту и ждала, когда подействуют таблетки.

Казалось, ее живот наполнен жидким свинцом, там жгло и гудело, словно в печке. Затем горячий сгусток подступил к горлу. Кора с трудом добежала до ванной. Ее стошнило. Она расплакалась и наконец уснула. Кора плакала во сне, разорвавшем ее ночь на тысячу кусков, и продолжала плакать, когда Гереон тряхнул ее за плечо, удивленно вглядываясь в лицо:

— Что с тобой?

— Я больше не могу, — ответила Кора. — Я просто больше не могу.

За завтраком ей все еще было плохо, голова

раскалывалась от боли. По выходным это часто с ней бывало. Гереон ни словом не упомянул о том, что случилось ночью, лишь смотрел на жену с недоверием и сомнением.

Он заварил кофе. Напиток получился слишком крепким, отчего измученный желудок Кору взбунтовался еще сильнее. Гереон вынул ребенка из кровати и, держа на руках, стал кормить куском белого хлеба, который намазал толстым слоем масла и варенья. Он был хорошим отцом и, когда позволяло время, возился с сыном.

В течение недели за малышом присматривала свекровь и ночевал он тоже у бабушки и дедушки, в комнате, которая раньше принадлежала Гереону. А по выходным отправлялся с родителями в собственный дом. Глядя на сына, сидящего на коленях у Гереона, Кора подумала, что это лучшее, чего она добилась в жизни.

Гереон вытер варенье с подбородка сына, с уголков его губ.

— Одну-ка я его. Ты наверняка захочешь отправиться за продуктами вместе с ним.

— Сегодня я выйду из дому позже, — ответила Кора. — И, наверное, в такую жару малыша лучше с собой не брать.

Было всего девять часов утра, а столбик термометра уже взлетел до двадцати пяти градусов. От головной боли глаза Кору едва не вываливались

из орбит. Она почти не могла думать, а ее замысел нужно было спланировать как можно тщательнее. Спонтанное решение, принятое сегодня ночью, — это плохо, слишком многое остается неучтенным.

Пока Гереон стриг газон, Кора зашла к свекрови и взяла у нее одно из самых сильных обезболивающих, которые продавали только по рецепту. Затем очень старательно, как никогда прежде, вымыла кухню, ванную, лестницу и прихожую. Везде должна царить идеальная чистота.

В одиннадцать она отнесла сына к свекрови и, держа в руке две пустые сумки, направилась к автомобилю. Кора решила, что автомобильная авария — это проще всего. Однако выехав со двора, она отбросила эту мысль. Гереону нужна машина. Как иначе он поедет в понедельник к клиентам? Да и не в ее правилах было разбивать что-то, стоившее кучу денег.

Кора поехала в супермаркет. Наполняя корзину продуктами, она размышляла о других вариантах. Но в голову ничего не приходило. У колбасной витрины стояло несколько женщин. И Кора спросила себя, кто из них испытывает то же самое, что и она. Ни одна! Кора была в этом уверена.

Она являлась исключением. И так было всегда, Кора всю жизнь была аутсайдером с клеймом на лбу. Кора Бендер, двадцати пяти лет от

роду, миниатюрная, хрупкая, три года замужем, мать мальчика, которому скоро исполнится два года. Она родила его стоя, сразу же, как только оказалась в «скорой».

«Стремительные роды», — сказали врачи. Ее свекровь считала иначе.

— Женщина должна очень много распутничать, чтобы так быстро родить ребенка. Кто знает, чем она занималась раньше? Наверняка ничем хорошим, если родители ее больше знать не хотят. Даже на свадьбу не явились. Интересно почему?

Кора Бендер. Рыжевато-каштановые волосы, спадающие на лоб так, чтобы скрыть глубокий зигзагообразный шрам. Красивое узкое личико с ищущим, беспомощным выражением, словно она забыла положить в корзину какой-то товар. Маленькие ладони, так крепко сжимавшие ручки корзины, что побелели костяшки пальцев. Карие глаза, встревожено скользившие по товарам: стаканчики с йогуртом, картонная упаковка с яблоками... Шесть плодов, больших, сочных, с желтоватой шкуркой. Голден делишес. Кора очень любила этот сорт. И свою жизнь. Но жизни больше не было. Строго говоря, ее не было никогда. И тут Кора придумала, как можно со всем этим покончить.

Во второй половине дня, когда жара уже начала спадать, супруги Бендер поехали к озеру Отто-Майглер-Зе. Гереон сидел за рулем. Он был не в восторге от предложения жены, но спорить не стал. Свое недовольство Гереон проявлял иначе, не догадываясь, что Кора лишь утверждает в своем решении. Он целую четверть часа кружил по парковке у входа.

Свободные места были с другой стороны. Кора несколько раз указала ему на это.

— Я не хочу тащить вещи так далеко, — отозвался Гереон.

В машине было жарко — во время поездки Кора не разрешила опустить стекла, ведь ребенок мог простудиться на сквозняке. Когда они выехали из дому, она была спокойна, но это кружение на месте ее раздражало.

— Хватит, — потребовала Кора наконец. — Иначе не будет смысла выходить из машины.

— Куда ты торопишься? Пару минут ничего не изменят. Может быть, кто-то уедет...

— Чушь. В это время никто отсюда не уезжает. Припаркуйся или позволь мне выйти и пойти вперед. А ты можешь ездить по парковке хоть до вечера.

Было четыре часа. Гереон скривился, но промолчал, сдал немного назад, хотя и знал, что жена терпеть этого не может, а потом наконец

припарковался, так близко к соседнему автомобилю, что дверца с ее стороны не открылась до конца.

Кора выбралась на свободу, радуясь слабому дуновению ветерка, гладившему ее лоб. Затем заглянула в душный салон, взяла сумку, повесила ее на плечо, достала ребенка из установленного в машине автокресла. Поставила сына рядом с машиной и направилась к багажнику, чтобы помочь Гереону выгрузить вещи.

Она захватила все необходимое, чтобы провести вечер у озера. Чтобы потом никто ничего не заподозрил. Покрывало и зонт Кора сунула под мышку. Оба складных кресла взяла в другую руку, и Гереону остались лишь полотенца, сумка-холодильник и ребенок.

Кора заморгала, глядя на свет. На площадке почти не было деревьев, только кусты по краю, скорее серые от пыли, чем зеленые. Солнцезащитные очки лежали на самом дне сумки. В машине Кора не стала их надевать, лишь опустила козырек. При ходьбе сумка била ее по ногам. Металлическая ножка кресла царапала голую кожу, оставляя красный след.

Гереон дошел до шлагбаума и остановился, ожидая жену. Одной рукой он показывал на металлическую сетку и что-то объяснял ребенку. На Гереоне были только шорты и сандалии.

Обнаженный торс, кожа гладкая и загорелая. У него была хорошая фигура — широкие плечи, мускулистые руки и тонкая талия. Глядя на него, Кора подумала, что он быстро найдет себе другую. При ее приближении Гереон не сдвинулся с места, не сделал ни единой попытки взять у нее хоть что-нибудь.

Вход и парковка были платные, квитанция лежала в сумке. Поставив складное кресло, Кора принялась искать кошелек. Сунув руку в сумку с подгузниками и чистым бельем, двумя яблоками, одним бананом и коробочкой с печеньем, она нащупала пластиковую ложку для йогурта, а затем между пальцами скользнуло лезвие маленького ножа для очистки овощей и фруктов. Кора чуть не порезалась. Наконец она нащупала кожаный кошелек, открыла его, извлекла квитанцию и протянула ее женщине у шлагбаума. Потом снова подхватила складные кресла и пробралась за ограду вслед за Гереоном.

Им пришлось долго идти по вытоптанной траве, лавируя между многочисленными покрывалами, на которых расположились отдыхающие. Ремень сумки больно впивался в плечо. Рука, которой Кора прижимала к себе покрывало и зонт, постепенно начинала неметь. А в том месте, где металлические ножки кресла поцарапали кожу, она чувствовала боль. Но все это

были лишь внешние ощущения, они ее уже не тревожили. Жизнь была закончена, и Кора сосредоточилась на том, чтобы вести себя как можно естественнее, не делать ничего такого, что могло бы удивить Гереона. Впрочем, вряд ли он сумел бы правильно интерпретировать ее жесты и фразы.

Наконец ее муж остановился в том месте, где было хоть какое-то подобие тени — чахлое деревце с прозрачной кроной. Листья безвольно свисали, словно перед зимним сном, ствол был не толще руки.

Положив вещи на траву, Кора открыла зонт, воткнула его в землю, расстелила под ним покрывало, опустила рядом складные кресла. Гереон посадил ребенка на покрывало и поставил под зонтом сумку-холодильник. Затем присел на корточки, снял с сына обувь и носки, тонкую рубашечку и яркие брючки.

Малыш остался в белых трусиках, надетых поверх подгузника. Подстриженный в кружок, он походил на девочку. Глядя на сына, Кора задумалась о том, будет ли он по ней скучать, когда ее не станет. Впрочем, ведь большую часть времени он проводил с бабушкой.

Странное это было чувство — находиться среди такого количества людей. Рядом на нескольких покрывалах расположилась большая

семья: отец, мать, дедушка, бабушка, две девочки лет четырех-пяти в украшенных рюшами купальниках. На качелях под навесом болтал ножками самый маленький ребенок.

Как и в супермаркете, Кора спросила себя, о чем думают все эти люди. Бабушка играла с малышом. Мужчины дремали на солнце — дедушка положил на лицо журнал, отец надел кепку, козырек которой отбрасывал тень на глаза. Мать выглядела обеспокоенной. Она крикнула одной из девчушек, чтобы та высморкалась, и тут же полезла в корзинку за салфетками.

Справа на шезлонгах сидела пожилая пара. Слева часть газона была свободна. Там дети играли с мячом.

Кора сняла футболку, сбросила юбку и осталась в одном купальнике. Затем отыскала в сумке солнцезащитные очки, надела их и опустилась в кресло.

Гереон уже сидел.

— Намазать тебя кремом? — предложил он.

— Я уже сделала это дома.

— Но ведь спину ты не достанешь...

— Моя спина не на солнце.

Гереон пожал плечами, откинулся в кресле и закрыл глаза. Кора смотрела на воду. Озеро притягивало ее к себе. Для тренированной пловчихи это будет не просто. Но если сначала

подольше поплавать, выложиться на полную...

Кора поднялась, сняла очки и сказала:

— Пойду окунусь.

Она могла бы и не говорить этого — Гереон даже глаз не открыл.

Кора пересекла газон и узкую полоску песка, прошла по мелководью вдоль берега. Вода была прохладной. Когда Кора нырнула, волны сомкнулись у нее над головой и по всему ее телу пробежала приятная дрожь.

Она доплыла до ограждения, отделявшего охраняемый пляж, и проплыла еще немного вдоль него. Тут же у нее возникло искушение преодолеть ограждение, проникнуть за его пределы. Это было не запрещено. На другом берегу тоже лежало несколько покрывал. На них сидели люди, которые не хотели платить за вход и не боялись устраиваться на отдых среди камней и кустов. Спасатель, сидевший на деревянной вышке на укрепленном берегу, посматривал и в их сторону. Только вот видел он не все и не смог бы быстро оказаться рядом, если бы на дальней стороне озера что-нибудь произошло. Кроме того, заметить утопающего он сможет лишь в том случае, если кто-то станет звать на помощь и размахивать руками. А если одна голова просто уйдет под воду...

Говорили, что когда-то в этом озере утонул

мужчина и его тела так и не нашли. Кора не знала, правда ли это. Если правда, то труп, должно быть, все еще лежит на дне, зацепившись за что-то. Она сможет жить вместе с ним, среди рыб и водорослей, в мире подводных течений, где нет песен и страшных снов, лишь шум волн и загадочные зеленовато-коричневые тени. Должно быть, это очень красиво. Мужчина, лежащий на дне озера, перед смертью наверняка не слышал боя барабанов, лишь стук собственного сердца. Никакой бас-гитары, никакого посвистывания органа. Только шум крови в ушах.

Почти через час Кора поплыла обратно. (Это решение далось ей нелегко.) Вот только бóльшую часть сил она уже израсходовала. Ей хотелось еще немного поиграть с ребенком, возможно, объяснить ему, почему она должна уйти. Ведь малыш не поймет, по какой причине она его оставила. А еще Коре хотелось незаметно попрощаться с Гереоном.

Когда она вернулась под зонт, пожилая пара, сидевшая справа от них, уже ушла. Остались лишь два шезлонга, и место рядом с ними было уже занято. Детей, играющих с мячиком, и след простыл. Теперь там лежало светло-зеленое покрывало, так близко к их раскладному креслу, что колесики примыкали к ткани. Посредине стоял большой портативный магнитофон, из которого в

окружающее пространство лилась музыка.

Вокруг магнитофона расположились четверо. Все они были ровесниками Кору и Гереона. Двое мужчин, две женщины. Две пары! Одна женщина сидела прямо, подогнув ноги, и болтала. Ее лицо и лицо ее собеседника были повернуты в профиль. Лиц второй пары сначала видно не было. Она лежала на покрывале, он — на ней.

Были видны лишь волосы женщины, светлые, почти белокурые — очень длинные, до бедер. У мужчины были густые темные кудри. Его мускулистые ноги вытянулись между расставленных бедер женщины. Руки обхватили ее голову. Он ее целовал.

При виде этого у Кору вдруг сжалось сердце. Ей стало трудно дышать, кровь прилила к ногам. В голове было пусто. Кора наклонилась и взяла полотенце. Просто чтобы заглушить грохот, с которым снова застучало сердце, она погладила ребенка по голове, сказала ему несколько слов, выудила из сумки красную пластмассовую рыбку и вложила малышу в руки.

Затем Кора повернула кресло так, чтобы сидеть спиной к этим парочкам. Однако увиденное продолжало стоять у нее перед глазами. Картинка медленно тускнела, и Кора постепенно успокоилась. Ее не касается, чем занимается пара у нее за спиной. Это вполне нормально, и музыка ей

тоже не мешает. Кто-то поет о чем-то по-английски.

Кроме мелодии, Кора слышала звонкий голос женщины и спокойный ответ мужчины. Судя по тому, как он к ней обращался, они знакомы недавно. Мужчина называл свою подругу Алисой. Это имя напомнило Коре о книге, которая была у нее в детстве. Всего один день. «Алиса в Стране чудес». Она не успела прочесть ее за несколько часов. Отец рассказал Коре, о чем там идет речь. Но его рассказ вызывал не больше доверия, чем обещание, что однажды ей станет лучше.

Мужчина за спиной у Кору рассказывал Алисе о том, что хочет уйти «на вольные хлеба». Ему сделали отличное предложение. Люди, лежавшие на покрывале, не издавали ни звука.

Геренон заглянул за плечо жены и усмехнулся. Кора машинально обернулась. Темноволосый мужчина приподнялся. Теперь он стоял на коленях, все еще к ней спиной, рядом с женщиной со светлыми волосами. Он снял с нее бюстгальтер и налил между грудей масло с солнцезащитным эффектом. Кора отчетливо видела лужицу, которую он собирался растереть. Женщина под его руками потянулась. Казалось, его прикосновения доставляли ей наслаждение. Затем она села и сказала:

— Теперь ты. Но сначала давай включим нормальную музыку. От этой можно уснуть.

В ногах у блондинки лежала пестрая матерчатая сумка. Пошарив там рукой, она извлекла на свет кассету. Темноволосый мужчина запротестовал:

— Нет, Ута, только не эту! Так нечестно. Откуда она у тебя? Отдай!

И он схватил женщину за руку. Та рухнула на спину, и мужчина упал на нее сверху. Они принялись возиться и едва не скатились с покрывала.

Герееон продолжал ухмыляться.

В конце концов темноволосый мужчина оказался внизу, а женщина села на него сверху, подняв руку с кассетой. Блондинка смеялась, с трудом переводя дух.

— Я победила, победила!

Она наклонилась к магнитофону, и ее длинные волосы коснулись кудрей мужчины. Она вставила кассету в магнитофон и нажала кнопку, а затем усилила громкость.

Фраза «Не порть нам веселье» и обращение «сокровище» уязвили Кору. Когда зазвучали первые аккорды, светловолосая женщина наклонилась вперед и обхватила лицо мужчины обеими руками. Целуя его, она двигала бедрами, сидя на нем верхом.

Герееон занервничал.

— Может быть, я все же намажу тебя

кремом? — спросил он.

— Нет!

Кора не хотела отвечать так резко, но поведение блондинки и то, как отреагировал на него Гереон, привело ее в ярость. Она резко встала. Пора попрощаться с ребенком. Кора хотела сделать это в спокойной обстановке, подальше от женщины, столь явно демонстрировавшей ей то, в чем она, Кора, потерпела неудачу.

— Они могли хотя бы сделать потише, — произнесла она. — Здесь запрещено громко слушать музыку.

Гереон презрительно поморщился.

— Скоро и дышать запретят. Ни к чему это деланное возмущение. Мне нравится музыка, и все остальное тоже. В этой женщине хотя бы есть огонек.

Не обращая внимания на его слова, Кора взяла ребенка на руки и подняла красную рыбку, которую он уронил. Ощущение крепкого теплого тельца и круглой ручки на шее подействовало на нее успокаивающе.

Она поставила сына на мелководье. Ребенок вздрогнул — вода показалась ему прохладной. Спустя несколько секунд он присел, поднял голову и посмотрел на мать. Кора протянула ему красную рыбку, и малыш обмакнул ее в воду.

Это был красивый, спокойный ребенок.

Говорил он мало, хотя словарный запас у него был довольно большой и он уже умел строить короткие предложения: «Я хочу кушать». «Папа должен работать». «Бабушка готовит пудинг». «Это мамина кровать».

Однажды, вскоре после переезда в собственный дом (сыну был всего годик), Кора воскресным утром взяла его к себе в постель и он уснул у нее на руках. Она обняла малыша, и у нее возникло глубокое, теплое чувство.

Стоя рядом с сыном и глядя на его тоненькую белую спинку, на маленький кулачок, игравший с красной рыбкой в воде, на склоненную головку с белокурыми волосами, на изящную шейку, Кора ощутила, что это чувство вернулось. И если бы у нее было недостаточно причин, то она сделала бы это ради своего ребенка. Чтобы он мог вырасти свободным. Присев рядом с сыном, она поцеловала его в плечико. От него пахло чистотой, свежестью и косметическим молочком, которым Гереон намазал его, пока она была в воде.

Кора провела с ребенком полчаса на мелководье. Она забыла об обеих парах на зеленом покрывале, забыла обо всем, что могло бы нарушить это прощание. Пляж постепенно пустел. Время близилось к шести часам, и Кора поняла: пора. Если бы рядом не было ребенка, она зашла бы в воду и уплыла, даже не думая о Гереоне. Но

бросить на берегу беспомощного маленького человечка она не могла. Еще, чего доброго, пойдет следом за ней.

Кора снова взяла сына на руки, чувствуя сквозь купальник прохладные ножки и мокрые трусики. Он крепко держал красную рыбку за хвостовой плавник.

Приблизившись к Гереону, Кора увидела, что на зеленом покрывале ничего не изменилось. Музыка играла так же громко, как и прежде. Одна пара сидела и беседовала, не прикасаясь друг к другу. Другая снова легла.

Не обращая на них внимания, Кора надела на ребенка свежий подгузник и сухие трусики и уже хотела уходить, но ее снова остановили.

— Я хочу кушать, — сказал ребенок.

Пара минут ничего не изменит. Кора полностью сосредоточилась на последних мгновениях с сыном.

— А что именно ты хочешь? Йогурт, банан, печенье или яблоко?

Малыш склонил головку набок, всерьез размышляя над этим вопросом.

— Яблоко, — наконец ответил он.

Кора снова села в кресло, взяла яблоко и вынула маленький нож для очистки фруктов.

Пока их не было, Гереон снова переставил

кресло, чтобы ему удобнее было наблюдать за соседями. Он сидел, расставив ноги и сложив руки на животе, и делал вид, будто смотрит на воду, однако на самом деле косился на груди белобрысой шлюхи. Наверняка найдет себе такую же, когда ее не станет.

Эта мысль должна была бы привести Кору в ярость, но этого не произошло. Она даже не опечалилась. Наверное, часть ее души, способная чувствовать, уже умерла, скончалась в какой-то момент во время этих кошмарных шести месяцев, а она и не заметила. Кора думала только о том, как бы облегчить себе задачу.

Там, где начиналось ограждение, в озеро уходил крохотный мыс, заросший кустарником. В этом месте она просто внезапно исчезнет из поля зрения спасателей. Потом нужно будет выплыть на середину озера. Сначала придется нырнуть. Это будет утомительно.

В магнитофоне грохотало соло на барабанах. Кора старалась не обращать на него внимания, но оно проникало ей прямо в мозг. Крепко сжимая в руке яблоко, она почувствовала, как дрожит ее шея, как напрягаются плечевые мускулы. Спина затвердела и похолодела, словно Кора не сидела на жарком пляже, а уже лежала на холодном дне озера. В рот ей проникло что-то, напоминавшее толстый большой палец. Так же, как в тот день, когда

Герейон хотел доставить ей «особенное удовольствие»...

Судорожно сглотив, Кора разрезала яблоко на четыре части и три из них положила на свои сомкнутые колени.

За спиной прозвучал уже знакомый голос Алисы:

— Фантастика!

Мужчина, который сидел, отозвался:

— Сейчас уже никто не верит, что он был на это способен. А было это лет пять назад. Тогда у Франки были безумные времена. Правда, продлилось это всего несколько недель. Он не любит вспоминать об этом. Но я считаю, что Алиса права: эта музыка — просто фантастика, ему не нужно стыдиться... Их было трое, вот только, к сожалению, они так и не выбрались из подвала. Франки играл на барабанах...

«Франки», — эхом отозвалось в голове у Кору. Друзья, подвал, ударные — все это трудно забыть.

— Ты тоже там был? — спросила Алиса.

— Нет, — слышалось в ответ, — тогда я еще не был с ним знаком.

Герейон поерзал в кресле и бросил взгляд на кусочек яблока, который жена держала в руках.

— Вряд ли малыш съест все. Остальное можешь отдать мне.

— Остальное я съем сама, — ответила Кора. — А потом пойду еще немного поплаваю. Впрочем, можешь взять один кусочек.

Кусочек яблока напоследок! Голден делишес — этот сорт она любила с детства. При одной мысли об этом во рту у Кору появился водянистый привкус.

А светловолосая женщина тем временем решила сесть — Кора видела это краем глаза.

— Подождите, — сказала блондинка и нажала кнопку на магнитофоне. — Я отмотаю немного вперед. То, что было до сих пор, не идет ни в какое сравнение с «Song of Tiger»!¹ Лучше композиции вы не слышали.

Темноволосый мужчина перекатился на спину и снова попытался схватить Уту за руку. Кора впервые за все время увидела его лицо. Оно ни о чем ей не говорило. И голос его, как и прежде, влетал ей в одно ухо и вылетал из другого, когда он снова запротестовал, на этот раз решительнее:

— Нет, Ута, хватит! Только не это. *Не надо так со мной.*

Казалось, он был настроен серьезно. Но Ута рассмеялась и увернулась от его рук.

---

¹ «Песня тигра» (англ.). (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное)

Кора подумала о доме. О том, что свекровь наверняка заглянет в каждый уголок и не найдет ничего такого, к чему можно было бы придаться. Все было вылизано до блеска. Книги тоже были в порядке. Никто не мог бы упрекнуть Кору в том, что она неряха.

Она очистила четвертинку яблока от косточек и как можно тоньше срезала кожуру. Затем протянула кусочек ребенку и взяла еще одну четвертинку, чтобы вырезать косточки и из нее. И в этот миг музыка заиграла снова, еще громче, чем прежде. Кора не хотела смотреть на соседей, но краем глаза все же заметила, что блондинка опять рухнула на спину, обхватила мужчину обеими руками за плечи и притянула к себе. Кора увидела, как он намотал на руку ее светлые волосы. Как потянул за них, заставляя принять удобное ему положение. Как поцеловал ее. А ударные...

Кора вскочила. Кусочки яблока упали на траву. Геренон вздрогнул, когда она закричала:

— Перестаньте же наконец, свиньи!
Прекратите! Отпусти ее! Немедленно отпусти ее!

Произнося первую фразу, она метнулась вбок и опустилась на колени, а во время последней вонзила в тело мужчины маленький нож.

Первый удар пришелся в шею сзади. Мужчина закричал, перекатился на спину, протянул руку и схватил Кору за запястье. Крепко сжал его

на пару секунд. Потом посмотрел на нее... и отпустил, бормоча что-то невнятное. Кора не могла разобрать слова — музыка играла слишком громко.

Вот она, песня, звучащая у нее в ушах, песня, с которой началось безумие! Она грохотала над вытоптанной травой, касалась искаженных ужасом лиц и тел.

Второй удар Кора нанесла сбоку. Мужчина не издал больше ни звука, лишь схватился рукой за шею, глядя ей прямо в глаза. Кровь хлестала между его пальцев, такая же красная, как пластиковая рыбка. Светловолосая женщина тяжело дышала, пытаясь выбраться из-под него.

Кора нанесла еще один удар, и еще... В горло. В плечо. В щеку. Нож был маленький, но очень острый. А музыка звучала так громко. Песня заполняла ее голову целиком.

Мужчина, который прежде разговаривал с Алисой, крикнул что-то, похожее на «Прекратите!».

Конечно! Об этом и речь. Прекратите! Прекратите, свиньи! Мужчина протянул руку вперед, словно намеревался схватить Кору за запястье, но не сделал этого. Все застыли. Алиса в ужасе закрыла рот обеими руками. Белокурая женщина то хныкала, то визжала. Маленькие девочки в украшенных рюшами купальниках тесно прижимались к матери. Дедушка убрал журнал с лица и сел. Бабушка подхватила малыша и прижала

его к груди. Отец начал подниматься с места.

И тут Гереон наконец вскочил с кресла и набросился на Кору. Он ударил ее кулаком по спине и удержал руку с ножом, когда она снова занесла ее. Взревел:

— Кора, хватит! Ты что, с ума сошла?

Нет-нет, в голове у нее было совершенно ясно. Все в порядке. Все правильно. Так и должно быть. Она это точно знала. И темноволосый мужчина тоже это знал, она прочла об этом в его глазах. *Это моя кровь, пролитая за ваши грехи.*

Когда Гереон бросился на Кору, приятель Алисы и отец маленьких девочек ринулись ему на помощь. Они схватили ее за руки. Гереон попытался отобрать у нее нож, а затем вцепился в волосы, запрокинул ей голову назад и несколько раз ударил кулаком в лицо.

Из ранок, появившихся у него на руке, текла кровь. Кора ударила ножом и его, хоть и не хотела этого. Приятель Алисы закричал Гереону, чтобы он прекратил. И тот послушался. Но продолжал держать Кору железной хваткой за волосы, прижимая лицом к окровавленной груди темноволосого мужчины.

В голове у Кору было тихо. Вокруг тоже. Почти. Если не считать нескольких риффов и последнего соло на ударных, в самом конце пленки. Затем послышался щелчок.

Кора чувствовала хватку Гереона, онемение в тех местах, куда он ударил ее кулаком, кровь на щеке, ее вкус на губах. Слышала бормотание окружающих. Светловолосая женщина продолжала плакать.

Кора положила руку ей на ногу и сказала:

— Не бойся. Он не будет тебя бить. Пойдем. Пойдем отсюда. Нам не следовало сюда приходить. Ты сможешь встать или тебе нужна помощь?

На покрывале заплакал ребенок.

Глава вторая

В детстве я плакала мало, всего один раз. И то не плакала, а кричала от страха. В последние годы я об этом даже не вспоминала. Но на самом деле все помнится очень отчетливо. Я сижу в полутемной спальне. На окне висят шторы из тяжелой коричневой ткани. Они колышутся — окно, должно быть, открыто. В комнате холодно. Я мерзну.

Я стою рядом с двуспальной кроватью. Одна половина аккуратно застелена, другая, у окна, смята. От нее исходит спертый, кисловатый запах, как будто давно не меняли белье.

Мне не нравится в этой комнате. Холод, вонь застарелого пота, потертый половик на дощатом полу. Там, откуда я только что пришла, на полу лежит толстый ковер, уютно и тепло. Я тяну за

держашую меня руку. Мне хочется уйти.

На застеленной стороне кровати сидит женщина. На ней пальто, на руках — ребенок. Он закутан в одеяло. Мне предлагают посмотреть на него. Это моя сестра Магдалина. Мне сказали, что теперь у меня есть сестра и мы пойдем на нее взглянуть. Но я вижу только женщину в пальто.

Она мне совершенно чужая. Это не моя мать, которую я не видела уже давно — полгода. Для ребенка это очень большой срок, ведь у малышей короткая память. И теперь я должна остаться с этой женщиной, которая смотрит лишь на сверток.

Ее лицо, суровое, серое, ожесточенное, внушает мне страх. Наконец она переводит взгляд на меня. Ее голос соответствует ее внешнему виду.

— Господь нас не простил.

Она отбрасывает одеяло, и я вижу крохотное синее личико. Женщина продолжает говорить:

— Он послал нам испытание. Мы должны его пройти. И мы сделаем то, чего Он от нас ожидает.

Не думаю, что я могла тогда запомнить эти слова. Их часто повторяли мне потом, поэтому я до сих пор так хорошо все помню.

Я хочу оттуда уйти. Странный голос женщины, крохотное синее личико в одеяле — я не желаю иметь с этим ничего общего. Я снова тяну за держашую меня руку и начинаю кричать. Кто-то поднимает меня, разговаривает со мной,

успокаивает. Мама! Я убеждена, что женщина, держащая меня на руках, и есть моя настоящая мать. Вцепившись в нее, я чувствую облегчение. Она снова относит меня в теплую комнату. Тогда я была еще очень маленькой, мне было года полтора. Это легко подсчитать.

Когда появилась на свет Магдалина — как и я, в больнице в Буххольце, — мне был год. Мы обе родились в мае, я — девятого, а Магдалина — шестнадцатого. Моя сестра была очень слабенькой. Сразу после рождения ее перевели в крупную клинику в Эппендорфе и сделали операцию на сердце. В ходе операции врачи выяснили, что у Магдалины есть и другие заболевания. Конечно же, они пытались ей помочь, но это было невозможно.

Поначалу говорили, что Магдалина проживет несколько дней, может быть, пару недель. Врачи не хотели, чтобы мама забирала ее домой. А мама не хотела оставлять Магдалину одну и тоже осталась в Эппендорфе. Но прошло полгода, а моя сестра все еще была жива. Врачи не могли держать ее в больнице бесконечно. И отправили домой умирать.

Те полгода я жила по соседству, у Адигаров. Я считала, что они и есть моя семья. Что моя настоящая мать, Грит Адигар, отдала меня в соседний дом, потому что не хотела со мной возиться. Однажды она снова меня забрала. К сожалению, ненадолго.

Подробности я уже позабыла, но мне очень часто хотелось вспомнить что-нибудь о времени, проведенном у Грит, с ее дочерьми Керстин и Мелани.

Грит была еще очень молода, тогда ей было, наверное, немного за двадцать. В семнадцать лет она родила первого ребенка, в девятнадцать — второго. Ее муж редко приезжал домой. Он был гораздо старше ее, ходил в море и много зарабатывал. У Грит всегда было достаточно денег и времени для своих дочерей. Она была веселой, беззаботной, сама почти еще ребенок.

Я часто видела, как она подхватывала на руки одну из дочерей, падала с ней на пол и принималась щекотать, отчего та извивалась у нее в руках, визжала и пищала, изнемогая от смеха. И я до сих пор думаю, что Грит и меня так забавляла в то время, когда присматривала за мной. Что я играла с Керстин и Мелани. Что Грит вечером сажала меня на колени и ласкала, так же, как и своих детей. Что на полдник она кормила меня пирогом и рассказывала какую-нибудь веселую историю. Что она говорила мне:

— Ты хорошая девочка, Кора.

Но те полгода стерлись у меня из памяти. Равно как и несколько недель, которые я провела у Грит, после того, как мама вернулась домой с Магдалиной. Запомнилось только ощущение

отверженности, как будто меня изгнали из рая. Потому что в раю могли находиться только чистые ангелы, следующие слову Божьему до последней буквы, не ставящие под сомнение ни одну из Его заповедей, не восстающие против Него, те, кто может видеть яблоко на Древе познания и не возжелать ни кусочка.

Для меня это было сложно. Меня легко было соблазнить, я была слабым, грешным человечком, который был не в состоянии контролировать пробуждающиеся в нем желания и жаждал иметь все, что попадало в поле его зрения. И я была уверена, что именно поэтому Грит Адигар не захотела жить со мной под одной крышей.

Мне пришлось называть мамой женщину, которую я терпеть не могла, а отцом — человека, живущего с нами в одном доме. Но его я очень любила. Он тоже был грешником — мама часто так его называла.

Я скрывала собственную порочность, а отец выставлял свой грех наружу. Я часто видела его, когда принимала ванну, а ему нужно было в туалет. Не знаю, с чего я взяла, что эта штука и есть грех. Может быть, потому, что у меня ее не было, и у Керстин и Мелани тоже. А поскольку я считала себя совершенно нормальной, напрашивался вывод: у отца что-то лишнее. И мне было жаль его. Я часто думала, что он хочет избавиться от своего изъяна.

Мы с ним спали в одной комнате, и однажды я проснулась среди ночи из-за его беспокойного поведения. Думаю, мне было тогда года три... Да, я была очень привязана к отцу. Он покупал мне новые ботинки, когда старые становились малы. Укладывал меня спать по вечерам, сидел рядом, пока я не засну. Он рассказывал мне о прежних временах. О том, как Буххольц был маленькой и очень бедной деревушкой посреди пустоши. Там была всего пара дворов, земля была просто ужасной, а животные — такими худыми, что весной не могли выйти на пастбище, их приходилось туда тащить. И о том, как появилась железная дорога. Как жизнь стала лучше.

Я любила эти истории. В них была надежда, обещание. Раз из крохотной бедной деревушки вырос красивый небольшой городок, то и остальное тоже может стать лучше.

Однажды вечером отец рассказал мне о чуме. И в ту ночь, когда я проснулась и услышала его стон, я вспомнила о чуме и испугалась, что он заболел. Но потом увидела, что он держит в руке свой грех. Мне показалось, что отец хочет его оторвать, но у него ничего не получается.

Я подумала, что вместе мы обязательно справимся. Я сказала об этом отцу и спросила, не нужна ли ему помощь. Он ответил, что нет, встал в темноте с постели и направился в ванную. Я

решила, что он хочет отрезать свой грех — в ванной лежали большие ножницы.

Но в следующую субботу я увидела, что грех все еще на месте. Что ж, мне тоже было бы страшно отрезать что-нибудь такое, что крепко приросло к моему телу. Я от всей души желала, чтобы он отпал сам по себе, сгнил или истек гноем, как было у меня, когда мне в ладонь вонзилась заноза.

Когда я сказала об этом отцу, он улыбнулся, спрятал грех обратно в штаны и, подойдя к ванной, произнес:

— Да, будем надеяться, что со временем он отпадет. Мы можем об этом молиться.

Не знаю, молились ли мы об этом. Полагаю, что да. В нашем доме постоянно молились о вещах, которых нам не хватало и которые мы хотели бы иметь, — например, о малиновом лимонаде.

Еще я помню, как однажды — мне тогда было года четыре — я с мамой сидела на кухне. Я до сих пор не верила в то, что она — моя мать. Окружающие убеждали меня в этом, но я уже знала, что люди могут лгать. И считала, что это делают все без исключения.

Мне хотелось пить, и мама дала мне стакан воды. Это была простая вода, из-под крана. Я поморщилась — она была безвкусной. Мама забрала у меня стакан и сказала:

— Значит, ты не хочешь пить.

Но меня действительно мучила жажда, и я сказала о том, что предпочла бы выпить малинового лимонада. У Грит был малиновый лимонад. Мама не любила, когда я ходила к соседям. Но у нее не было времени следить за тем, чем я занимаюсь, и я пользовалась любой возможностью, чтобы сбежать от нее и побыть со своей настоящей семьей.

Я часто играла по соседству. Однажды Грит решила сходить в гости. У нее было очень много друзей и знакомых. Они приглашали ее к себе, потому что ее муж часто надолго уезжал. Грит позвала детей в дом, чтобы умыть и переодеть их. Я спросила, можно ли и мне поехать с ними, и услышала в ответ, что моя мать этого не разрешает. И что я должна идти домой.

Я хорошо это помню. Было уже за полдень, был конец июля или начало августа. Стояла жара. Окно в кухне было открыто, и солнце заливало яркими лучами обстановку, убогость которой объяснялась отнюдь не отсутствием денег.

Мой отец работал в Гамбурге, в конторе гавани. Иногда он рассказывал мне об этом. Я еще в четыре года знала, что он хорошо зарабатывает. Мы могли бы жить лучше. Раньше мои родители кое-что себе позволяли. Они часто ездили в Гамбург, танцевали, ходили в рестораны...

Но с тех пор, как на свет появилась

Магдалина, отцу понадобилось много денег на собственные нужды. Да и лечение в клинике стоило немало. Врачи в Эппендорфе удивлялись тому, что Магдалина еще жива. Она часто лежала в больнице, иногда подолгу, готовясь к операции, иногда — всего пару дней, для обследования. Мама всегда была рядом с ней. И за ее кровать и еду приходилось платить папе. Перед выпиской врачи говорили: еще пара недель, максимум пара месяцев.

Мы жили под одной крышей со смертью. И мама ежедневно сражалась с ней, даже ночью не спускала с Магдалины глаз. Поэтому отец и спал в моей комнате. На верхнем этаже было всего две спальни и одна большая ванная. Покупая дом, родители думали, что у них никогда не будет детей и во второй комнате смогут останавливаться гости.

Когда я попросила лимонада, мама стояла у плиты. Плита была электрической. Еще у нас был холодильник. Кроме этого, в кухне стояла неуклюжая деревянная мебель, которую родители купили сразу после свадьбы. Все в доме было старым, и мама в том числе.

Ей было уже сорок четыре. Она была высокой, с худым лицом. Выглядела гораздо старше своих лет. У мамы не было времени за собой ухаживать. Ее седые волосы прядями спадали на плечи. Когда они становились слишком длинными, мама их подрезала.

В тот день на ней был пестрый халат. Она помешивала что-то ложкой в кастрюле. Поставив стакан с водой на раковину, мама обернулась ко мне и спросила:

— Ты хочешь малинового лимонада?

Она всегда говорила очень тихо, поэтому к ней постоянно приходилось прислушиваться. Мама покачала головой, словно не понимала, как мне в голову могла прийти столь абсурдная мысль. А потом снова заговорила, в своей спокойной, неторопливой манере.

— Знаешь, что протянули нашему Спасителю, когда он, умирая, произнес: «Жажду»? К Его губам поднесли смоченную в уксусе губку. стакан с водой принес бы Ему счастье, уменьшил бы Его страдания. Но Он не жаловался и уж точно не просил малинового лимонада. Какой урок ты из этого извлечешь?

Вряд ли это был первый разговор на эту тему, который случился у меня с мамой. Потому что ответ я знала наизусть.

— Наш Спаситель всегда был доволен.

А я никогда не была довольна. Я была трудным ребенком, упрямым, вспыльчивым, эгоистичным. Я хотела все — для себя одной. И если мне никто не мешал, брала это. Мама объясняла мне, что именно поэтому Магдалина так тяжело больна. Ведь она появилась из маминого

живота, а незадолго до этого там была я. И забрала себе мамину силу, которой, по ее словам, хватило бы на троих. А из-за меня для Магдалины ничего не осталось...

Когда мама начинала говорить об этом, я ко всему теряла интерес. Мне не хотелось быть плохой, но, как только речь заходила о моей сестре, быть хорошей было не так уж важно. Я не любила Магдалину. Для меня она была чем-то вроде полена. Она не умела ходить и разговаривать. Даже плакать толком не могла. Если у нее что-то болело, она начинала пищать. Бóльшую часть дня моя сестра лежала в постели и иногда, около часа, в кресле на кухне. Но это случалось очень редко.

Конечно же, мне запрещали говорить о том, что я думаю. Я должна была утверждать прямо противоположное. Это получалось у меня отлично. Я всегда говорила то, что хотели услышать люди. Мама довольствовалась моими ответами.

— Ты ведь понимаешь, что тебе следует брать пример с нашего Спасителя? — спрашивала она.

Я старательно кивала. И мама добавляла:

— Тогда иди и попроси Его даровать тебе силы и милосердие.

Но мне по-прежнему хотелось пить. Однако я знала, что не получу от нее даже стакана воды, пока не помолюсь, и поэтому направилась в гостиную.

Эта комната была такой же убогой и

старомодной, как и кухня. Ветхий потертый диван, низенький столик на тоненьких кривых ножках и два кресла. Но никто из входивших в комнату людей не обращал внимания на выдавшую виды мебель.

Взгляд всегда сначала падал на алтарь, расположенный в углу у окна. Вообще-то это был обыкновенный, переделанный отцом шкаф. Перед ним стояла деревянная скамья, на которую можно было становиться коленями. На шкафу лежало белое покрывало с вышитыми на нем свечками, поверх которого всегда стояла ваза с цветами. Как правило, это были розы.

Они стоили очень дорого, но мама с удовольствием покупала их, даже если у нее не хватало денег на хозяйство. Она говорила, что от возможности принести жертву Спасителю сердце должно наполняться радостью. Мое сердце при этом радостью не наполнялось. Я по-прежнему думала, что меня отдали. Должно быть, моя настоящая мать, Грит Адигар, давно поняла, что у меня дурные наклонности. Она не хотела, чтобы от этого страдали Керстин и Мелани и в конце концов заболели так же, как и Магдалина. Поэтому Грит отвела меня к этой женщине, которая точно знала, как сделать дурного человека хорошим.

Но если показать всем, что я — хороший ребенок, если прилежно молиться и не грешить, по

крайней мере, у всех на виду, то моя настоящая семья наверняка скоро заберет меня обратно.

Мне не хотелось даже думать о том, что все эти люди убеждены: я могу помочь больному ребенку по имени Магдалина пережить следующий день. При всем желании я не знала, как этого добиться. И это означало, что я никогда больше не смогу вернуться домой, что я навечно должна буду оставаться с этой странной женщиной и нашим Спасителем.

Он стоял на шкафу, между цветочной вазой и четырьмя подсвечниками с высокими белыми свечами. Но стоял как-то неправильно — был прибит крохотными гвоздями к тридцатисантиметровому деревянному кресту. Кроме того, Спаситель был приклеен к нему спиной.

Однажды, пока мамы не было рядом, я сняла распятие со шкафа и внимательно его изучила. Мне просто хотелось проверить, откроет ли Он глаза. Мама утверждала, что Он может заглянуть человеку в самое сердце и увидеть там все его грехи и желания. Но Он не открыл глаза, хоть я и трясла его, дергала за терновый венец на склоненной от боли голове и стучала по животу.

Я не верила, что Он сможет вывести меня на чистую воду. Не испытывала к Нему уважения и только по приказу матери становилась перед Ним

на колени — три раза в день, а иногда и чаще — и просила о милосердии, силе и сострадании. Он должен был очистить мое сердце. А я не хотела, чтобы у меня было чистое сердце. У меня было здоровое сердце, и, на мой взгляд, этого было достаточно. Он должен был дать мне силу для отречения. Но мне была не нужна эта сила.

Я не хотела постоянно отказываться от удовольствий — от конфет, малинового лимонада и других лакомств. Например, от пирога, который постоянно предлагала нам Грит Адигар. Она сама пекла его, каждую субботу, и щедро посыпала сахарной пудрой. А в понедельник приходила к нам с тарелкой, на которой лежало три-четыре кусочка. Они были уже немного очерствевшими, но это было не важно. Мама всегда отказывалась от угощения. А у меня от одного вида этого лакомства текли слюнки.

Если я слишком долго смотрела на куски пирога, мама говорила:

— Опять у тебя этот жадный взгляд. — И отсылала меня в гостиную.

Там я становилась на колени перед крестом, на котором Спаситель пролил кровь за наши грехи...

Стоять на коленях перед мертвым и видеть его кровь и ужас окружающих было довольно странно.

Блондинка не хотела, чтобы Кора к ней прикасалась, не хотела, чтобы та помогла ей встать и увела ее. Когда Кора дотронулась до ее ноги, блондинка принялась колотить ее обеими руками. Мужчина велел ей оставить Уту в покое. И Кора отступила. Какое ей дело до Уты?

Кора извинилась перед Гереоном за то, что порезала ему руку, и он снова ударил ее кулаком в лицо. Приятель умершего встал, а затем опустился на колени и принялся осматривать труп. Но поскольку этот миг растянулся до бесконечности, мужчина заорал на Гереона:

— Прекратите, черт вас подери! Хватит!

А Гереон крикнул Коре:

— Ты что, с ума сошла? Зачем ты это сделала?

Этого она не знала, и ей почему-то было неловко.

Ей хотелось побыть наедине с мертвым, всего пару минут, чтобы спокойно рассмотреть его, чтобы насладиться чувствами, которые вызывал его вид: удовлетворенностью, невероятным облегчением и гордостью. Словно неприятная работа, которую она так долго откладывала, наконец была сделана. Кора едва не сказала: «Свершилось!»

Но промолчала. Она отлично себя чувствовала.

Ничего не изменилось даже тогда, когда

прибыли полицейские. Их было четверо — одетые в униформу стражи порядка. Один из них поинтересовался, ей ли принадлежит маленький нож для чистки фруктов и овощей. Когда Кора подтвердила это, полицейский спросил, она ли убила ножом этого мужчину.

— Да, конечно, — ответила она. — Это сделала я.

Полицейский заявил, что должен арестовать ее, что она может хранить молчание, что у нее есть право на адвоката и все такое.

Кора встала.

— Большое спасибо, — сказала она. — Адвокат мне не нужен. Все в порядке.

И это было правдой. Все было просто замечательно. Восторг, ликование, внутреннее спокойствие — ничего подобного Кора прежде не испытывала.

Полицейский велел Гереону вытащить для нее свежее белье из сумки и показать документы. Самой Коре рыться в сумке не разрешили. Позволили только взять юбку и футболку. О полотенце она не подумала.

Гереон начал копаться в сумке и снова закричал:

— Да ты совсем с катушек съехала! Ты и меня порезала!

Кора ответила ему спокойно и сдержанно.

После чего Гереон вручил полицейскому ее белье. Тому не оставалось ничего иного, кроме как взять его и с каменным выражением лица передать Коре.

Полицейские позволили ей умыться. Двое из них сопроводили ее в служебный туалет, расположенный в невысокой постройке у входа. Умывальник был грязным, в забрызганном зеркале почти ничего нельзя было разглядеть. Но, несмотря на это, Кора отчетливо видела свое лицо. Она провела рукой по правому виску. Кожа там лопнула. Веко опухло, и один глаз превратился в узкую щелочку.

Проведя кончиком языка по верхней губе, Кора почувствовала кровь и вспомнила деревянную фигуру в углу комнаты, красную краску на ее руках и ногах, рану в боку, с которой стекало несколько тоненьких полосок. Она еще в четыре года поняла, что это всего лишь краска. Но кровь мужчины, кровь на ее лице, на ее теле — все это было настоящим. И это было избавлением.

Все было красным — купальник, руки, испачкались даже волосы. Кора с удовольствием так бы все и оставила. Но ей не хотелось злить полицейских, поэтому она открыла кран, вымыла руки, подставила голову под тонкую струйку воды и стала смотреть, как кровь стекает в умывальник. Смешиваясь с водой, она становилась очень светлой, почти как малиновый лимонад. Точнее, не

лимонад, а вязкий сироп, который разбавили водой.

В какой-то момент мама капитулировала, уступив ее желаниям. Один стакан сладкой воды в день. Точнее два, один для нее, другой для Магдалины. Кора увидела себя стоящей перед старым кухонным столом, на столешнице которого было множество царапин и зарубок. Увидела, как внимательно следит за мамой, поровну наливающей сироп в два стакана. Увидела, как поспешно хватается стакан, в котором сиропа было, пожалуй, на десятую долю миллилитра больше.

Кора не вспоминала об этом долгие годы, а сейчас ей казалось, будто это было вчера: отец, пытающийся оторвать грех от своего тела, истории о Буххольце — все о прошлом, как будто сегодняшнего дня не существовало. Мама в пестром халате и переднике, с растрепанными волосами и крестом. И Магдалина, синеватое фарфоровое личико, отмеченное всемогущей смертью. Кающаяся Магдалина, сгусток бессилия, страдающий за чужие грехи.

Все было кончено. Спаситель отдал Свою кровь, взял на Себя человеческую вину и Своей смертью облегчил им путь на небо. Кора увидела перед собой Его лицо, Его взгляд. В Его глазах было понимание, осознание, прощение. И услышала просьбу: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят». Никто не может знать все!

Кора постирала в умывальнике купальник и воспользовалась им в качестве губки, чтобы обмыть грудь и живот. Затем смахнула ладонями капли воды. (На крючке рядом с умывальником было полотенце, но оно было таким грязным, будто висело там уже много недель.) Потом Кора оделась. Белье и футболка прилипли к телу, намокли и стали полупрозрачными. Мгновение помедлив, она оглядела себя. Под тонкой тканью отчетливо проступала грудь. Кора не могла выйти в таком виде. За дверью стояли полицейские, мужчины! Если она появится перед ними вот так, они воспримут это как провокацию. У мамы случится припадок, она решит, что должна зажечь свечи перед домашним алтарем, поставить старшую дочь на колени...

Кора не понимала, почему все это вдруг стало таким реальным, таким важным. Она попробовала стряхнуть с себя наваждение, но ей не удалось от него избавиться. Перед ее глазами плясали огоньки свечей. Кора заморгала, пытаясь отогнать от себя эту картинку. Когда это не помогло, она открыла двери и спросила у одного из полицейских:

— Вы не могли бы дать мне куртку?

Стражи порядка быстро переглянулись. Оба были одеты в форменные рубашки. Младший смущенно опустил голову. Другой, ему было, наверное, немного за сорок, нашел в себе силы

посмотреть Коре в глаза — а не на выступающую сквозь мокрую ткань грудь. Казалось, он понял, чем была продиктована эта просьба.

— Вам не нужна куртка, — отеческим тоном произнес он. — Вон там сидят люди, на которых надето меньше, чем на вас. Вы закончили? Мы можем идти?

Кора лишь кивнула в ответ.

Не сводя глаз с ее лица, полицейский спросил:

— Кто вас ударил?

— Мой муж, — отозвалась она. — Но он не со зла. Просто разволновался и потерял над собой контроль.

Полицейский нахмурился: похоже, это сообщение его удивило. Он взял Кору за локоть, но убрал руку, когда она вздрогнула.

— Идемте, — произнес он.

И огоньки свечей наконец померкли.

За то время, которое Кора провела в туалете, пляж заметно опустел. Люди, которые не были непосредственными свидетелями случившегося, исчезли. И только далеко позади, где лежало зеленое покрывало, а на нем — мертвый мужчина, еще стояла кучка людей.

Было начало восьмого. На террасе, примыкавшей к невысокой постройке, стояло около двадцати человек. И когда Кора подошла ближе, все уставились на нее. При виде их

испуганно-вопросительных лиц ей стало не по себе.

Приятели погибшего сидели немного в стороне. Мужчина пытался утешить женщин. Ута отталкивала его руки и продолжала плакать. Рядом с ними стоял молодой человек в спортивном костюме. Он задавал вопросы и записывал ответы в блокнот. На террасу вышли двое санитаров. Уту увели. Алиса пошла следом за ней.

Все происходило словно в кинофильме. Повсюду что-то двигалось, перемещалось, а Кора смотрела на это. Полицейский постарше подвел ее к стулу, подозвал санитару, чтобы тот осмотрел ее лицо, и в первую очередь заплывший глаз. Страж порядка был очень вежлив и не отходил от Кору, в то время как его младший коллега подошел к мужчине в спортивном костюме и что-то сказал ему.

Герен тоже не уехал. Он сидел, держа на коленях ребенка и рассматривая повязку на руке. Мужчина в спортивном костюме подошел к нему и что-то сказал. Герен резко покачал головой. Затем встал и подошел к приятелю погибшего. На Кору он даже не взглянул. И не посмотрел ей вслед, когда чуть позже она в сопровождении полицейских направилась к ограждавшей пляж решетке.

У самого входа стояли два патрульных автомобиля и — в тени деревьев — еще одна

машина. Кора вспомнила, что автомобиль Гереона припаркован дальше, под палящим солнцем. Она остановилась и обратилась к старшему полицейскому, который показался ей опытнее своего коллеги.

— Вы не назовете мне своего имени?

— Берренрат, — машинально отозвался он.

Поблагодарив его кивком головы, Кора произнесла:

— Послушайте, господин Берренрат, вам нужно вернуться и поговорить с моим мужем. Скажите ему, чтобы хорошенько проветрил автомобиль и закрыл окна, прежде чем выезжать. Я знаю, он об этом забудет. Он вообще никогда не думает о таких вещах. А малыш часто болеет. Если у него поднимется температура, могут начаться судороги.

Берренрат молча кивнул, открыл заднюю дверцу одного из патрульных автомобилей и жестом пригласил Кору сесть в машину. Молодой полицейский обошел автомобиль, сел за руль и обернулся к Коре, по всей видимости, решив не спускать с нее глаз. Казалось, он ее боялся.

Ей хотелось успокоить его, но она не знала, как ему все объяснить. *Кончено!* Он бы не понял. Она и сама толком не понимала. Просто чувствовала — словно написала это слово у себя на лбу кровью убитого мужчины.

Берренрат действительно вернулся на пляж. Он пробыл там совсем недолго. Сев в автомобиль рядом с Корой, он произнес:

— Ваш муж сделает, как вы сказали.

Она чувствовала себя свободной от всего, оторванной от реальности, изолированной и погруженной на дно. Это было приятное чувство. К сожалению, оно ограничивалось областью живота и сердца. В голове постепенно распространялось нечто, желавшее посмотреть на случившееся с другой точки зрения: глазами людей, приехавших к озеру, чтобы отдохнуть после трудовой недели.

Кора вспомнила о ребенке, как он сидел на покрывале и плакал. Бедному малышу пришлось все это увидеть. Она утешала себя мыслью о том, что он еще слишком мал, чтобы что-то запомнить. Он забудет об увиденном. Забудет ее. Вырастет под опекой Гереона, бабушки и дедушки. Свекровь очень добра к нему. Да и старик, этот чурбан, бережет внука как зеницу ока.

Поездка продлилась недолго; кроме того, Кора была настолько погружена в собственные мысли, что не обратила внимания на дорогу. Когда автомобиль остановился и Берренрат вышел из него и потребовал, чтобы Кора тоже вышла, она на миг очнулась и тут же снова погрузилась в мысли о будущем, чтобы не думать о прошлом.

Ее ожидает пожизненное заключение! Это

ясно. Как бы там ни было, она совершила убийство. Это Кора тоже понимала. За преступлением должно последовать наказание. Но того, кто пережил распятие, решетки не испугают. В мыслях о тюремной камере не было ничего угрожающего. Регулярное питание, работа в кухне или прачечной, а возможно, и в каком-нибудь кабинете, если она будет вести себя хорошо и покажет, на что способна.

Вряд ли это будет слишком уж отличаться от прожитых с Гереоном трех лет. Не имело значения, кто за ней будет следить — родители мужа или тюремные надзирательницы. Вот только выходных у нее не будет. Не будет больше сигарет, последним угасающим в пепельнице огоньком дававших сигнал к началу безумия.

Когда Кора снова вынырнула на поверхность, оказалось, что она сидит на стуле в комнате, стены которой окрашены светлой краской. Было здесь еще несколько стульев, в центре — два письменных стола, на которых между пишущей машинкой и телефоном громоздились груды бумаг. Это раздражало. Кора с удовольствием навела бы тут порядок. Она подумала, можно ли спросить у полицейских разрешения на это.

Младший стоял у двери, Берренрат — у большого окна, на котором ютились два комнатных растения. В помещении было еще достаточно

светло, из-за чего у Кору заболели глаза, а взять очки она забыла. Справа от цветочного горшка лежало несколько папок с делами. «Дело Кору Бендер», — мимоходом подумала она. Вряд ли оно будет толстым. Все ведь ясно. Конечно, полицейские должны задать ей кое-какие вопросы...

Кто-то должен срочно позаботиться о растениях. На них даже смотреть жалко. По всей видимости, они простояли весь день под палящим солнцем — на листьях были коричневые пятна. Да и земля наверняка высохла настолько, что превратилась в порошок.

— Послушайте, господин Берренрат, — сказала Кора, — нужно убрать цветы с подоконника. Они плохо переносят солнечные лучи. А еще им, наверное, нужна вода. Можно я на них посмотрю?

Казалось, Берренрат растерялся, однако спустя несколько секунд нерешительно кивнул.

У стены возле двери стояла тумбочка с мойкой. На ней — старая кофеварка, в чайничке которой образовалась отвратительная коричневая пленка. Наверное, ее никогда толком не мыли. Рядом с кофеваркой стоял использованный стаканчик из-под кофе. Кора тщательно его вымыла, а затем взяла чайничек и хотела вымыть и его.

— Оставьте, — произнес Берренрат. — Сядьте на место, пожалуйста.

— Ну послушайте, — запротестовала Кора, — вы же позволили мне полить цветы. А стакан был грязным. Что такого в том, что я его вымыла?

Берренрат вздохнул и пожал плечами.

— Мне все равно, можете позаботиться о цветах, но мыть посуду не ваша задача.

— Ну, что ж, нет так нет, — сказала она, — я хотела как лучше.

Наполнив стакан водой, Кора подошла к окну. Земля действительно была очень сухой. Поставив стакан на подоконник, Кора перенесла оба цветка на письменный стол, незаметно поправила два стула и собрала кое-какие бумаги в аккуратную стопку, чтобы появилось немного свободного места и стол выглядел опрятнее. Затем принесла стакан и полила землю.

Полицейские с недоумением наблюдали за ней, когда она во второй раз наполняла стакан водой.

— Им это было необходимо, — пояснила Кора, снова садясь на стул.

Наверное, с минуту в комнате стояла тишина. Кора пыталась собраться с мыслями и настроиться на то, что будет дальше. Допрос! Она по кинофильмам знала, как это происходит. Признание — для полицейских это самое важное. Поэтому в ее

случае допрос ни к чему, она ведь уже во всем призналась. Наверное, ее слова просто нужно занести на бумагу и подписать. Странно, что никто этим не занимается. Кора снова обратилась к Берренрату:

— А чего вы, собственно говоря, ждете?

— Уполномоченных сотрудников, — отозвался он.

— А вы не уполномочены?

— Нет.

Она попробовала очаровательно ему улыбнуться, но из-за разбитого лица получилось не очень.

— Послушайте, это же глупо. Полицейский есть полицейский. Мне было бы приятно, если бы вы с этим покончили. Запишите то, что я сказала. Я подпишу, и вы сможете пойти домой.

— Лучше дождемся уполномоченных сотрудников, — сказал Берренрат. — Они должны прийти с минуты на минуту.

Конечно же, они не скоро явятся. Кора часто видела в кинофильмах, что подозреваемого заставляют помариноваться, чтобы ослабить его сопротивление. Вот только она не понимала, зачем эту меру применять к ней. С одной стороны, она не просто подозреваемая, ее вина не вызывает сомнений. С другой, она не собиралась никому усложнять жизнь.

Необходимость ждать раздражала Кору. Она снова невольно стала думать о Гереоне. Что на пляже он вел себя так, словно она была для него совершенно чужим человеком, до которого ему нет никакого дела. Однако Кора понимала своего мужа. Случившееся, должно быть, стало для него шоком. Достаточно было поставить себя на его место, чтобы это осознать. Он ведь вообще не хотел ехать к озеру. За обедом, когда Кора это предложила, Гереон сказал, что сегодня слишком жарко. Да и плавать он не очень любил... А потом Кора за пару секунд разбила его мир на куски. Неудивительно, что потом он на нее набросился, словно обезумев. Интересно, доехал ли он уже до дома? Что рассказал своим родителям? Должно быть, они удивились, когда он вернулся без нее.

Кора живо представляла себе эту сцену.

Удивленные лица. Голос свекрови:

— А где же Кора?

Когда речь заходила о семейных вопросах, старик говорил мало. Гереон с забинтованной рукой, держа ребенка, просит, чтобы кто-нибудь помог ему освободить багажник. Мать идет вместе с ним. На улице, где старик их не слышит, Гереон сообщает: «Кора зарезала мужчину».

А потом они будут сидеть в гостиной. Гереон будет рассказывать о случившемся, хотя рассказывать особо нечего. Его мать будет

причитать и охать, сокрушаясь о том, что же скажут соседи, когда обо всем узнают. А отец спросит лишь, как это скажется на работе их предприятия и кто теперь будет заниматься бумагами.

Когда дверь наконец открылась, время приближалось к девяти. Образ Гереона и его родителей исчез. В комнату вошел мужчина, на которого Кора обратила внимание на озере. Он ей представился. Она сразу же забыла его фамилию, пытаясь угадать его намерения. Коре хотелось надеяться, что он не станет тратить время на ненужные вопросы.

Но именно этим он и занялся! Сев за пишущую машинку, мужчина потребовал, чтобы она назвала свое имя и фамилии — до замужества и после. Как будто были сомнения относительно ее личности. Потом поинтересовался, сколько ей лет, как давно она замужем, работает ли. Все это не имело к делу никакого отношения. Затем мужчина потребовал данные о ее свекре и свекрови, родителях, братьях и сестрах.

До того как прозвучал вопрос о свекре и свекрови, Кора отвечала неохотно, но правдиво. А потом заявила:

— Мои родители умерли, а братьев и сестер у меня никогда не было!

Мужчина поглядел на растения, стоящие на

письменном столе, поинтересовался, любит ли она цветы, не нужен ли ей врач и не хочет ли она кофе. Бросив быстрый взгляд на старую кофеварку, Кора отказалась.

Ей трудно было оставаться сосредоточенной и спокойной. Вопреки ее ожиданиям, дело затягивалось. Мужчина в спортивном костюме пояснил Коре, в каком преступлении ее обвиняют, затем начал говорить о ее правах, повторил то, что уже сказал у озера Берренрат: она имеет право хранить молчание и все такое...

В этом месте Кора его перебила.

— Большое спасибо, я уже объяснила господину Берренрату, что в этом нет необходимости. Мне не нужен адвокат. Запишите мое признание. Можем начать прямо сейчас.

Однако снова ничего не получилось. Мужчина в спортивном костюме пояснил, что они должны дождаться шефа. Он вот-вот придет.

Прошло еще пятнадцать минут. Кора чувствовала себя ужасно, из-за того что вынуждена сидеть на стуле и смотреть на выкрашенные светлой краской стены. Она не привыкла бездельничать — во время досуга в голову лезли мысли. Как сегодня в супермаркете, когда она решила, будто выход найден.

Наверное, она все же сошла с ума. Окончательно принять решение умереть, а потом

вдруг наброситься на незнакомого мужчину. Просто потому, что блондинка — ее имя уже вылетело у Кору из головы — включила эту песню. Следовало бы спросить, откуда у нее эта кассета. И может ли кто-нибудь объяснить, как эта музыка оказалась у Кору в голове?

Все молчали. Тишину нарушала капающая вода: наполняя стакан во второй раз, Кора закрыла кран недостаточно плотно. Мужчины не обращали на это внимания. Берренрат не сводил взгляда с двери. Его молодой коллега стоял, соединив руки за спиной. Мужчина в спортивном костюме листал записи, сделанные у озера.

Интересно, что рассказали ему свидетели? Что Кора набросилась на того мужчину как ненормальная! Наверное, со стороны это именно так и выглядело. Внезапно Кора поняла, почему с ней так долго возятся. Потому что ничего не понимают. Потому что, как и Гереон, хотят знать, зачем она это сделала.

Ее сердце стало свинцовым. В мозгу запылали серо-алые полосы. Кора почувствовала, как ее руки стали влажными и задрожали. Куда подевалось первоначальное чувство облегчения, ликования, триумфа? Ей требовалось разумное объяснение.

Когда дверь наконец открылась, Кора мысленно начала считать: восемнадцать,

девятнадцать, двадцать, — надеюсь таким образом немного успокоиться. Мужчине, который переступил порог, было, наверное, слегка за пятьдесят. Он производил впечатление неторопливого и добродушного человека. Вошедший коротко поздоровался со всеми, кивнул обоим полицейским. Берренрат кивнул ему в ответ и одновременно — странно — в ее сторону. Мужчина в спортивном костюме поднялся, и они вместе с Берренратом вышли.

Опять ожидание, опять размышления о том, о чем они говорят там, за дверью, и что мог означать этот кивок. Если бы молодой полицейский хоть что-то сказал... Тишина стала невыносимой. Именно так Кора чувствовала себя обычно по субботам. У нее в голове гроыхала музыка. Звуки капающей воды были похожи на ударные... После этой песни Кора всегда засыпала. Однако сейчас она не спала! Если мужчины в ближайшее время не вернуться...

Прошло всего десять минут. Но это было целых шестьсот секунд, а каждую секунду в голову Кору приходила новая мысль. Каждая новая мысль подтачивала рассудок. Что больше всего тревожило Кору, так это ощущения, вызванные в ней убийством. Любой нормальный человек после совершенного должен был бы прийти в ужас, мучиться чувством вины. А она чувствовала себя

хорошо. Это ненормально.

Наконец они вернулись. Мужчина в спортивном костюме снова сел за пишущую машинку. Берренрат опять встал у окна. Шеф опустил на стул напротив Кору. Приветливо улыбнувшись ей, он представился. Но Кора не разобрала его имени, точно так же, как и следовавшие за этим слова. У нее внутри все напряглось. Следует давать короткие, точные ответы. И изложить разумное объяснение, чтобы у них и мысли не возникло, будто она безумна.

Берренрат держал что-то в руке. Это был ее кошелек. Кора не знала, где он его взял, и не думала об этом. Процедуру повторили. Имя, фамилия после замужества, девичья фамилия, дата рождения, место рождения, семейное положение, профессия, родители, братья и сестры...

— У нас что здесь, викторина?! — возмутилась Кора. — Вы опоздали, я уже получила очки за свои ответы. Или вы хотите проверить, в своем ли я уме? Не беспокойтесь, со мной все в порядке. Я заметила, что мне уже третий раз задают одни и те же вопросы. Хочу вам кое-что предложить. Поговорите для разнообразия со своим коллегой. Он все это уже записал. Кроме того, у вот этого есть мои документы.

Ей было неловко из-за того, что она пренебрежительно назвала Берренрата «вот этим».

Он такого не заслужил. До сих пор он был очень мил. Кроме того, наверняка было бы разумнее вести себя вежливо и послушно. Но она и так послушна, просто им следует немного поторопиться. Если все и дальше пойдет в таком же темпе, долго она не выдержит.

Но на дерзость Кору никто не отреагировал, только молодой полицейский нахмурил лоб. Берренрат вместе с ее кошельком подошел к письменному столу и отдал его мужчине в спортивном костюме. Кора осознала, что не запомнила его имени, равно как и имени шефа. Она попыталась вспомнить его, но у нее перед глазами стояло лицо умершего. А ей не хотелось говорить что-то вроде: «Извините, я немного отвлеклась и не разобрала вашего имени». Тогда ее точно сочли бы сумасшедшей.

Оба полицейских вышли из комнаты. Кора предпочла бы, чтобы Берренрат остался, он показался ей очень чутким. Но просить его об этом она не стала — ей не хотелось выглядеть так, словно она нуждается в поддержке. Мужчина в спортивном костюме открыл кошелек, вынул оттуда удостоверение личности и протянул его шефу. Затем посмотрел на водительские права Кору и поднял на нее взгляд.

Его удивила ее фотография на водительских правах: болезненное, серое, как у старухи, лицо. На миг

Кора забеспокоилась, что он заговорит с ней об этом. Но мужчина в спортивном костюме молчал. И она торопливо поправила волосы на лбу, чтобы он не заметил шрама. Тем временем шеф изучал данные в ее удостоверении личности, затем тоже поднял голову и посмотрел на нее.

— Кора Бендер, — произнес он. — Мне кажется, что Кора — сокращенная форма имени. Или это ваше полное имя?

У него был приятный, теплый и низкий голос, который на многих наверняка действовал успокаивающе. Но на Кору он такого воздействия не оказал. Она перестала контролировать свои руки. Дрожь усилилась. Кора крепко зажала левую кисть руки правой, держа их на коленях.

— Послушайте, — отозвалась она, — не хочу показаться невежливой, но мне кажется, что уже поздно. Поэтому давайте оставим эту болтовню.

Шеф улыбнулся.

— У нас много времени. И лично меня болтовня расслабляет. Как вы себя чувствуете, госпожа Бендер?

— Очень хорошо, спасибо.

— Вы травмированы. — Он указал на ее лицо. — Сначала мы должны вызвать врача.

— Избавьте меня от белых халатов! — прошипела Кора. — Санитар меня уже осмотрел. Все не настолько плохо, как кажется. Со мной

бывало и похуже.

— Да? Расскажите, — заинтересовался шеф.

— Думаю, что вас это не касается, — отрезала Кора.

— Что ж, госпожа Бендер, — спокойно, но очень решительно произнес шеф, — если вы настаиваете... Сообщите мне, если у вас что-то заболит или вы почувствуете какой-нибудь дискомфорт. Кроме того, вы можете сказать мне, если захотите выпить кофе или что-то съесть. Но не забывайте говорить «пожалуйста». Так будет гораздо лучше.

Кора поняла, что разозлила его. Она неуютно поежилась и закатила глаза.

— Послушайте, мне очень жаль, что я повысила голос. Я не хочу доставлять вам неприятности. Но зачем мне три раза повторять, как зовут моего мужа? Это же никакого отношения к делу не имеет. Запротоколируйте мое признание, я его подпишу, и уже потом, если вам так угодно, выпьем кофе.

Когда шеф коротко кивнул, мужчина в спортивном костюме поставил на письменный стол маленький черный ящик. Кора вздрогнула, когда поняла, что это магнитофон. Мужчина в спортивном костюме нажал клавишу. Не успев ничего сообразить, она зажала уши руками.

И в этот миг ее словно огнем обожгло. Они

знают! Кто-то рассказал им о песне, и теперь они хотят, чтобы она снова ее прослушала. Одному небу известно, какие последствия это за собой повлечет. Может быть, она вскочит со стула и разобьет кому-нибудь голову первым подвернувшимся под руку цветочным горшком?

Но музыки не последовало. Не раздалось ни звука. Мужчины недоверчиво уставились на нее.

— Что-то не так, госпожа Бендер? — поинтересовался шеф.

Она заставила себя улыбнуться, опустила руки и поспешно заверила его:

— Нет-нет, все в порядке. Просто у меня в ушах на миг возникло такое, знаете, неприятное давление. Это, наверное, из-за того, что я ныряла и... Но все уже прошло. Правда, я отлично вас слышу.

И шеф наконец начал. Не задерживаясь на параграфах протокола, он постарался сформулировать обвинение покороче.

— Госпожа Бендер, около восемнадцати часов на озере Отто-Майглер-Зе вы убили мужчину. В непосредственной близости от вас находилось несколько человек, они все видели и дали показания. Кое-что уже запротоколировано и подписано. Орудие убийства установлено. В этом отношении все ясно. Тем не менее мы хотели бы задать вам несколько вопросов. Вы можете хранить

молчание. Вы также имеете право на адвоката...

Прежде чем шеф успел продолжить, Кора, подняв руку, перебила его. На этот раз она старалась говорить мягче. Черный ящик — диктофон, это она уже поняла. Он фиксирует каждое ее слово, чтобы потом ее показания могли прослушать другие. Все смогут услышать, что она сказала. И сделать выводы.

— Все это я знаю, — произнесла Кора. — И я уже дважды говорила: адвокат мне не нужен. Я во всем признаюсь. Я также готова подтвердить, что вы не оказывали на меня давления, неоднократно напоминали мне о моих правах и так далее. Вас это устраивает?

— Устраивает, — ответил шеф. — Если вам угодно.

Он сидел, наклонившись вперед и не спуская с нее глаз.

Глубоко вздохнув, Кора задумалась о том, как первой же фразой дать им понять, что она здорова, как физически, так и психически. Дрожь в руках ей удавалось контролировать довольно неплохо. Нужно только покрепче сжимать одну руку другой, и никто ничего не заметит. Кроме того, на ее руки никто не смотрел, только на лицо. Спустя две секунды Кора твердым голосом произнесла:

— Около восемнадцати часов у озера Отто-Майглер-Зе я зарезала мужчину. Я

использовала для этого маленький нож, которым чистила яблоко для своего сына.

Шеф извлек откуда-то и положил на стол прозрачный пакет, в котором лежал окровавленный нож.

— Это он?

Сначала Кора лишь кивнула, потом поняла, что кивок на пленку не запишешь, и коротко отозвалась:

— Да.

— Вы взяли этот нож с собой на озеро для того, чтобы почистить им яблоко? — поинтересовался шеф.

— Да, разумеется. Кроме яблока, у нас не было ничего, что можно было бы почистить с его помощью.

— Но вместо этого вы зарезали мужчину, — произнес шеф. — Вы знали, что будет, если ударить человека ножом?

Кора удивленно уставилась на него. Потом смысл его слов дошел до нее, и она улыбнулась.

— Послушайте, хоть я и немного нервничаю, но не нужно разговаривать со мной так, будто я душевнобольная. Конечно же, я знала, что будет, если ударить человека ножом: он будет ранен или убит. Я наносила удары так, чтобы они привели к смерти. И, делая это, понимала, какие будут последствия. Такой ответ вас удовлетворяет?

По лицу шефа нельзя было понять, как он отнесся к ее словам. Он лишь уточнил:

— Если вы сознательно наносили удары, госпожа Бендер, то помните ли вы, куда пришелся первый из них?

Она продолжала улыбаться. Помнит ли она? Она никогда этого не забудет — возможно, забудет что-нибудь другое, но не это!

— В шею сзади, — отозвалась Кора. — Потом он повернулся ко мне лицом. И я нацелилась в горло. Нож маленький. Я подумала, что если ударю в грудь, то вряд ли попаду в сердце. Но в шею... там же сонная артерия и кадык. Именно туда я и целилась. И попала. Он истекал кровью, значит, я вонзила нож в сонную артерию. А еще я ударила его в другие места. В лицо... Один раз нож соскользнул, и я попала в плечо.

Шеф кивнул.

— Что заставило вас убить этого мужчину? Я ведь правильно вас понимаю, вы хотели его убить?

— Да, хотела, — твердым голосом произнесла Кора.

И в тот же миг поняла, что хотела сделать это уже очень давно: убить этого мужчину, не какого-нибудь другого, а именно этого.

Глава третья

Зачем она поехала на озеро, было уже не важно. Все вышло иначе, и это было к лучшему. Кора с самого начала не хотела этого, и если бы женщина у входа сказала ей, что она явилась, чтобы убить мужчину, Кора сочла бы ее сумасшедшей. Но когда это случилось, стало ясно, что так и должно было быть. Эта мысль немного ее успокоила.

Однако мужчины, похоже, были шокированы ее краткими ответами. Кора видела это по их лицам, но не задумалась о том, что, возможно, следовало бы выразиться помягче. Удары сыпались один за другим. Шеф задавал вопросы, а мужчина в спортивном костюме стоял и пристально смотрел на нее.

— Вы знали погибшего?

— Нет.

— Вы никогда прежде его не видели?

— Нет.

— Вам действительно неизвестно, кто это?

— Нет.

И это было правдой, а правда — всегда хорошо. Однако, судя по всему, шефа ее слова смутили. Он бросил на мужчину в спортивном костюме озадаченный взгляд. Тот пожал плечами. Шеф слегка покачал головой, а затем снова обернулся к Коре.

— А почему вы хотели его убить?

— Я разозлилась из-за музыки.

Это было не совсем так, но все же близко к истине.

— Из-за музыки? — с недоумением в голосе, которое она очень четко отметила, переспросил шеф.

Кора принялась торопливо объяснять, стараясь не говорить о песне.

— Да, у них при себе был большой магнитофон. Музыка играла очень громко. А женщина еще усилила звук. Это привело меня в ярость.

Шеф откашлялся.

— Почему же вы не попросили ее сделать музыку тише? И почему напали на мужчину, а не на женщину?

Этот вопрос был решающим. Но ответа на него у Кору не было.

— Я попросила их уменьшить звук, — пояснила она. И поскольку это не совсем соответствовало фактам, тут же уточнила: — Ну, не то чтобы прямо попросила, но пожаловалась на дискомфорт. Они не обратили внимания на мои слова. Возможно, я говорила недостаточно громко. Но кричать мне не хотелось. Я... что ж, вообще-то мне хотелось пойти к воде. Мне хотелось... мне...

Вообще-то все это его не касалось, не имело к делу никакого отношения. Оборвав собственное бормотание, Кора громко воскликнула:

— Послушайте, он лежал на этой женщине! Я не смогла бы к ней подобраться. Но я не хотела причинить ей вред, это правда. Я хотела убить его. И сделала это. Ни к чему это обсуждать. Я не отрицаю своей вины. Этого ведь достаточно?

— Нет, — произнес шеф и покачал головой. — Недостаточно, госпожа Бендер.

— Если бы вы там были, — сказала она, — то знали бы, что достаточно. Вы бы видели, как тот тип набросился на блондинку! На это невозможно было смотреть. Я обязана была что-то предпринять.

Шеф уставился на Кору, а когда заговорил, его голос звучал довольно резко.

— Мы с вами, госпожа Бендер, говорим не о типе, который набросился на блондинку! Мы говорим о мужчине, на которого набросились вы. И мне — черт подери — очень хотелось бы знать почему. Его звали Георг Франкенберг. А теперь перестаньте рассказывать мне...

Кора не разобрала, что еще он сказал, — ее уши словно затянуло пленкой. Перед ее мысленным взором вдруг отчетливо предстала тюремная камера. За Корой закрывают дверь. Поразительно, однако у охранницы было лицо ее матери, а вместо ключей она держала в одной руке горящую свечу, а в другой — деревянный крест. С приклеенной к нему фигурой.

Спаситель!

Его звали Георг Франкенберг? Какая разница, как его звали? Тем не менее перед мысленным взором Коре проплыли лицо матери, свеча и распятие. Она ждала, пока они исчезнут, надеясь уловить связь. Казалось, шеф оставит ее в покое, если она скажет: «Ах да, я только что вспомнила... Я все-таки его знала».

Но эхо отзвучало, не оставив воспоминаний. Должно быть, шеф прочел это в ее взгляде. В его голосе слышалось искреннее недоумение.

— Это имя вам действительно ни о чем не говорит?

— Нет.

Он вздохнул, почесал шею и бросил на мужчину в спортивном костюме быстрый и неуверенный взгляд. Тот молчал, рассматривая растения на письменном столе.

Коре показалось, что они выглядят уже получше. Возможно, это была лишь иллюзия, но ей почудилось, что она видит, как увядшие листья наполняются силой, черпая ее из влажной земли. Вода — эликсир жизни. Отец раньше часто рассказывал Коре о твердом слое почвы вересковых пустошей, который необходимо пробить, чтобы влага могла пропитать землю, когда пойдет дождь.

Но сейчас речь шла не о пустоши, и голос шефа мешал Коре вспоминать отцовские рассказы.

— Итак, вы хотите убедить нас, что это был

не знакомый вам человек. Мужчина, которого вы никогда прежде не видели. И вы зарезали его, как безумная, просто потому, что они с друзьями громко слушали музыку.

— Не говорите так! — возмутилась Кора. — Я не сумасшедшая. Я совершенно нормальна.

Мужчина в спортивном костюме смущенно откашлялся и передвинул блокнот по столу. Наклонившись вперед, он что-то прошептал шефу на ухо, указывая при этом на какую-то надпись.

Шеф кивнул и снова поднял голову.

— Вы разозлились не из-за музыки, а из-за того, чем они оба занимались, не так ли? Вы ведь только что сказали, что он набросился на женщину. Но это было совсем не так. Георг Франкенберг не делал ничего предосудительного, просто нежничал со своей женой. И инициатива явно исходила от нее. Вы ударили его со словами: «Перестаньте, свиньи!» Вы ведь их обоих имели в виду, не так ли?

Из сказанных им слов в памяти Коры остались лишь два, и они комом застряли у нее в горле. Ей с трудом удалось их выплюнуть.

— Его жена?

Шеф кивнул.

— Георг Франкенберг женился три недели тому назад. Позавчера они вернулись из свадебного путешествия. У них был, так сказать, медовый месяц, и они оба были безумно влюблены друг в

друга. Учитывая обстоятельства, их поведение было абсолютно естественным. Даже если люди занимаются этим у всех на виду. Сейчас это никому не мешает. Возмутило это только вас. Почему, госпожа Бендер? Что заставило вас думать, будто Георг Франкенберг хочет избить свою жену?

Георг Франкенберг? Что-то тут не так. Это подсказывал ей инстинкт. Кора испытывала такое же странное чувство, как и сразу после содеянного, после того как блондинка оттолкнула ее руку. Это была его жена! Сообщение об этом совершенно сбило ее с толку.

— Послушайте, — заговорила Кора, — если вы будете рассказывать мне о молодоженах и задавать дурацкие вопросы, это ничего не даст. Больше я не произнесу ни слова. Мы сможем сэкономить кучу времени, если вы запишете мое признание. Я убила мужчину. Кроме этого, я ничего не могу сказать.

— Вы не хотите больше ничего сказать, — возразил шеф. — Но у нас уже есть некоторые показания. Один из свидетелей сообщил, что после сделанного вы хотели обнять госпожу Франкенберг. Что вы с ней говорили. Помните, что вы ей сказали?

Вот теперь Кора разозлилась по-настоящему. Ей не было до этого никакого дела. Георг Франкенберг! И его жена! Если шеф это

утверждает, то, по всей видимости, это действительно так. Зачем полицейскому лгать? Ему от этого никакого толку. А Гереон даже не смотрел на нее...

Возможно, сейчас он сидит себе спокойно перед телевизором и смотрит художественный фильм. Такая уж у него жизнь — работа да телевизор. Но, скорее всего, он еще в гостиной у своих родителей. И все они злятся на нее. Старик говорит:

— Она была шлюхой. Я сразу это понял, как только она впервые вошла в наш дом. Надо было тут же ее прогнать. Пусть бы убиралась туда, откуда пришла.

А мать Гереона добавляет:

— Ты должен с ней развестись. Просто обязан, хотя бы для того, чтобы люди не подумали, будто мы хотим иметь с ней что-то общее.

И Гереон кивает. Он кивает в ответ на все, что предлагают его родители. И если ему никто не объяснит, что все это чушь собачья, он так и поступит.

Но рядом с Гереоном нет никого, кто мог бы ему что-то объяснить... Впрочем, он наверняка быстро найдет себе другую. Он привлекательный, молодой, здоровый. У него есть собственный дом. Он неплохо зарабатывает — Кора успела об этом позаботиться. Однажды бизнес перейдет к нему, он

станет начальником собственной фирмы. Гереону есть что предложить женщине, и не только с финансовой точки зрения.

Он не пьет, не дерется, избегает ссор. Он нежен, конечно, этого у него не отнять. Кора могла бы спать с ним еще много лет и даже десятилетий, если бы в сочельник он не попытался доставить ей «особенное удовольствие». Возможно, любую другую он бы этим просто осчастливил.

Рядом с Гереоном должна быть женщина, которая сможет любить его так, как он того заслуживает. Которая будет наслаждаться возможностью спать с ним. Которая с нетерпением будет ждать момента, когда он захочет доставить ей «особенное удовольствие», и сделает то же самое для него. Думать об этом было больно, но Кора от всей души желала Гереону поскорее найти такую женщину. Он, конечно, немного старомоден. Но в целом совершенно нормальный мужчина. И она, Кора... тоже нормальная. Совершенно нормальная! С детства. Так ей сказала Грит Адигар.

Это было самое неприятное, с чем мне пришлось смириться: у нас ненормальная семья. Не знаю точно, в какой момент я поняла, что являюсь ее частью и так будет всегда. Не могу сказать, был ли для этого какой-то особый повод или осознание пришло постепенно. Однажды я просто поняла, что

эта ужасная женщина действительно моя родная мать. Если бы мне пришлось показаться с ней в городе, я отреклась бы от нее, как Петр от Спасителя. Но это ничего бы не изменило: факт оставался фактом.

Отец старался хоть немного скрасить нашу жизнь. Но что он мог поделать? В тот день, когда я пошла в школу, он купил мне в Гамбурге ранец и платье, красивое синее платье с маленькими пуговицами, белым воротничком и пояском.

На следующий день мне пришлось (поскольку тщеславие — тоже грех) сжечь его у алтаря в гостинице. В жестяном ведре. Мать стояла рядом с полным чайником воды, чтобы предостеречь пожар.

Когда вечером я рассказала об этом отцу, он лишь покачал головой. Он пояснил мне, что моя мама — католичка, а у католиков все гораздо строже. Позже, когда мы лежали в постели, папа рассказал мне о первой школе в Буххольце.

Ее построили в 1654 году. В ней было всего два класса. Школьный класс служил также гостиницей для семьи учителя. Многие не соглашались отправлять детей в школу, потому что те должны были помогать дома по хозяйству. Поскольку взрослые люди не умели читать и писать, они считали, что это не так уж необходимо. Но сейчас все знают, насколько это важно — уметь

читать и писать, добавлял отец. И окончив школу, каждый сам решает, что с ним будет дальше.

Этим он хотел сказать мне: «Делай для себя все, что в твоих силах, Кора. К сожалению, я не смогу тебе помочь».

Отец говорил: не важно, что на тебе надето, главное, что у тебя в голове. Раньше дети ходили в школу в обносках и босиком. Что ж, ботинки у меня были. И в лохмотьях в школу мне идти не пришлось. Тем не менее среди всех этих нарядных девочек я чувствовала себя так, словно вылезла из мусорного ведра.

У меня, как и у остальных, за спиной был новый ранец. Но старое бесформенное платье, которое мать извлекла из шкафа исключительно в виде наказания, было мне уже мало. От меня пахло нафталином. Кроме того, я пришла с пустыми руками. У остальных детей были пакеты, набитые сладостями.

К счастью, у мамы не было времени на то, чтобы сопровождать меня в школу. Тем не менее все уже знали, какая она. Просто невероятно, с какой скоростью разлетаются такие новости.

С самого первого дня я была аутсайдером, потому что у меня была больная сестра. Да, она все еще была жива. Врачи продолжали удивляться каждые пару месяцев, но Магдалине до этого не было дела. Я часто думала, что таким образом она

мне мстит. Я отняла у нее силу в мамином животе, и за это моя сестра с железной решимостью продолжала жить дальше. И каждый второй день нам нечего было есть.

Подружек у меня не было. На школьном дворе со мной не хотели общаться даже Керстин и Мелани Адигар: они боялись, что над ними тоже будут смеяться. На большой перемене я стояла в сторонке, так было день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. Остальные школьники весело играли. Я же должна была погружаться в себя, молить Спасителя о прощении и даровании сил, о милосердии и еще об одном дне жизни для Магдалины.

С тех пор как я начала ходить в школу, моей сестре стало хуже. Я часто подхватывала что-нибудь, кашель, насморк или ангину, а Магдалина заражалась от меня, хоть я к ней и не подходила. Стоило мне разок чихнуть, и это обрушивалось на мою сестру, словно удар молота.

Мать связывала частые болезни Магдалины с тем фактом, что у меня стало меньше времени для покаяния, ведь первая половина дня проходила впустую. Поэтому я обязана была выполнять свой долг хотя бы на большой перемене. Осознание того, что Магдалина действительно, взаправду моя сестра, словно парализовало меня, ведь пока она жива, на мне будет такая же отметина, такое же

клеймо, как и на ней.

Я не желала ей смерти — действительно не желала. Но мне хотелось иметь подруг, которые играли бы со мной на школьном дворе, приходили бы ко мне после занятий. Хотелось гулять по воскресеньям и отдыхать в кафе. Вместе с мамой, у которой достаточно времени на то, чтобы помыться, уложить волосы в красивую прическу и надеть нарядное платье. О том, что она будет делать маникюр и подкрашивать губы помадой, как Грит Адигар, я даже не мечтала.

Мне всегда хотелось, чтобы мой отец умел смеяться. Чтобы он рассказывал мне истории не только о прошлом, о вещах, которые давно сгнили. Чтобы ему не приходилось по ночам тайком прокрадываться в ванную и сражаться там со своим грехом. Чтобы однажды он заговорил о завтрашнем дне или о следующих выходных. Чтобы как-нибудь, всего один раз, он сказал: «Мы можем побывать в Гамбургском соборе! Поесть сладкой ваты и покататься на колесе обозрения».

Мне хотелось ходить вместе с мамой за покупками. Хотелось, чтобы она спрашивала у меня в магазине, что мне нравится больше — плитка шоколада или пакетик чипсов. Мне не хотелось все время слушать о том, какой я плохой, жадный человек.

Ребенок, забравший всю силу для одного себя.

Черт подери! Я ведь сделала это не нарочно! Я не знала, что после меня на свет появится моя сестра, которой тоже понадобятся силы.

Иногда я пыталась выманить у мамы признание в том, что она немного преувеличивает. Начинала этот разговор я очень осторожно. Но все равно все было бессмысленно. Стоило мне сказать, что я осознала свою низость и борюсь с ней, как мама бросала на меня взгляд, словно бы говоривший: «Самое время».

Когда я жаловалась, что дети в школе надо мной смеются, она отвечала:

— Над Спасителем тоже потешались. Даже когда Он, умирая, висел на кресте. А Он возводил глаза к небу и говорил: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят». Какой урок ты из этого извлечешь?

Как же я ненавидела эту фразу!

Было бесполезно рассказывать маме, чему я научилась. Читать, писать, считать и лгать. Подлизываться к учительнице, чтобы она вступалась за меня, когда другие смеялись надо мной слишком громко, да еще показывали пальцем. И ненавидеть сестру — этому я научилась в первую очередь.

Тогда я действительно от всей души ненавидела Магдалину, так, как это может ребенок. Видя ее лежащей в кухне, слыша ее пiski и стоны,

я надеялась, что у нее болит все, что только может болеть.

Но однажды в мае все изменилось. Это случилось на следующий год после того, как я пошла в школу. День был совершенно обычным. Утром никто не сказал ничего особенного. За исключением учительницы, которая на перемене пожала мне руку и улыбнулась.

— Вот тебе и семь лет, Кора.

Днем я вернулась домой в обычное время. Мама открыла дверь и сразу же отправила меня в гостиную. Обеда не было, на плите не стояла кастрюля, на столе не было хлеба. Хлеб лежал в кухонном шкафу за закрытой дверцей. Ключ мать всегда носила с собой, в полном соответствии с девизом: «И не введи нас во искушение!»

Мама снова поднялась наверх, к Магдалине. В начале апреля я заболела насморком, и сестра, заразившись от меня, до сих пор не оправилась. У нее часто шла кровь из носа, хоть она и не сморкалась. Магдалина плевала кровью даже тогда, когда мама чистила ей зубы. Мою сестру то и дело тошнило, несмотря на то что она почти ничего не ела. Все ее тело было покрыто синими и красными пятнами. У нее выпадали волосы. Постоянно был понос. Мама не решалась ехать с ней в Эппендорф, боясь, что Магдалину снова будут оперировать. Каждый вечер, садясь за стол, она говорила:

— Помолимся о завтрашнем дне.

Был уже вечер, когда домой пришел отец. Я все еще сидела под букетом свежих роз, и у меня урчало в животе от голода. Стебли цветов были очень длинными, намного выше распятия. Из-за розы по воскресеньям ели только суп с зелеными бобами, и в нем не было ни единого, даже самого маленького кусочка колбасы. Отец вошел через кухню и негромко позвал меня. Я подошла к нему и увидела, что он что-то держит в руке.

Плитка шоколада! От одного ее вида мой желудок едва не сошел с ума. Поцеловав меня, отец прошептал:

— Я дарю ее тебе на день рождения.

Я знала от одноклассников, что такое день рождения. Когда был день рождения у дочерей Грит, они устраивали грандиозный праздник, с птичьим молоком, картофельными чипсами и мороженым. До сих пор никто не говорил о том, что и у меня тоже может быть день рождения.

Отец объяснил, что такой день есть у каждого человека и что почти все его празднуют. Что именинники приглашают друзей, едят торты и получают подарки. Говоря все это, он не спускал глаз с двери, ведущей в коридор. Мы слышали, как наверху возится мама. Незадолго до этого она попыталась влить в Магдалину несколько ложек куриного бульона. После третьей ложки мою сестру

стошнило, и мама понесла ее в ванную, чтобы помыть.

Затем мать спустилась в кухню. Мы не слышали ее шагов. Я как раз вложила в рот первый кусочек шоколада, и тут в дверях показалась она. Сделав два шага, мама замерла. Несколько раз переведя взгляд с моих рук на рот, она обернулась к отцу.

— Как ты мог это сделать? — спросила она. — В то время как одна твоя дочь не способна удержать еду в желудке, ты кормишь другую сладостями.

Опустив голову, отец пробормотал:

— Но ведь у Кору день рождения, Элсбет. Других детей осыпают подарками, к ним приходят родственники. Посмотри на соседей: Грит всю улицу собирает. А у нас...

Больше он ничего не сказал. Мать не повысила голоса, она никогда не кричала.

— А у нас, — мягко перебила она отца, — имеет значение лишь один день рождения — нашего Спасителя. К Нему мы сейчас и обратимся, попросим Его, чтобы Он даровал нам силы устоять перед многочисленными искушениями. Если мы не будем чисты сердцем, то как же Он сможет над нами сжалиться?

Протянув ко мне руку, мама потребовала:

— Отдай это мне и зажги свечи.

Затем мы все втроем встали на колени на скамеечку и простояли так почти целый час. После этого мать отправила меня в постель. Она спросила, готова ли я отказаться от ужина. И я не имела права просто сказать «да». Я действительно должна была быть готова принести эту жертву.

Я была очень голодна, но кивнула, поднялась наверх и легла спать, не почистив зубы. Я плохо себя чувствовала, у меня болел живот, и мне очень хотелось заболеть. Или умереть, возможно, от истощения.

Уснуть я не могла. Я лежала без сна, когда в комнату вошел отец. Было, наверное, около девяти. Он всегда ложился спать в девять, если рано приходил с работы, даже летом, когда еще светло. А что еще ему было делать? Другие люди смотрели по вечерам телевизор, слушали передачи по радио, читали газеты и книги.

У нас не было книг, кроме маминых Библий. Их было несколько: Ветхий Завет, Новый Завет и Библия для детей. В этой книге были картинки и красивые истории о чудесах, совершенных Спасителем.

Мама часто читала Библию для детей Магдалине. Потом показывала ей картинки и рассказывала, что однажды она, безгрешный ангел, будет сидеть на скамеечке у трона Его Отца и радоваться вместе с другими ангелами. Но

последние несколько недель Магдалина была слишком слаба и не могла ее слушать. Моя сестра отворачивалась, стоило матери начать рассказывать или читать.

Когда отец закрыл за собой дверь, я услышала, как он пробормотал:

— Скоро все закончится. И тогда этот цирк прекратится, или же я выгоню ее пинком под зад!

И он хлопнул кулаком по ладони, не заметив, что я еще не сплю.

Его звали Рудольф Гровиан. Некоторые нарочно произносили его фамилию неправильно, и тогда она звучала довольно грубо. Но он был отнюдь не агрессивным, напротив; в личной жизни ему стоило бы иногда проявлять больше твердости, и он об этом знал. Рудольфу было пятьдесят два года. Он женился в двадцать семь и вот уже двадцать пять лет как стал отцом.

Его дочь всегда была созданием своенравным, выдвигавшим бесстыдные требования. Она вила из родителей веревки. И в этом была его вина. Нельзя было перекладывать воспитание дочери на жену. Мехтхильда была слишком уступчива и легковерна. Она не умела устанавливать границы и принимала любую чушь, которую ей подсовывали, за чистую монету. Раньше, когда Рудольф пытался урезонить дочь, жена лишь вздыхала:

— Руди, оставь ее, она ведь еще маленькая!

Потом дочь повзрослела и вообще перестала слушаться, особенно его. В таких случаях Мехтхильда произносила свою коронную фразу:

— Не волнуйся ты так, Руди, подумай о своем желчном пузыре; что поделаешь, такой уж у нее возраст.

Его дочь вот уже три года была замужем и теперь вила веревки из порядочного, симпатичного молодого человека. Два года назад она родила сына. И Рудольф Гровиан надеялся, что она образумится, осознает степень своей ответственности и немного поумерит запросы.

В ту субботу ему с горечью пришлось осознать, что некоторые надежды неосуществимы. Вторую половину дня Рудольф провел на дне рождения свояченицы. Его дочь, зять и внук, конечно же, тоже были приглашены. Дочь и внук пришли, а вот зять отсутствовал.

Рудольф Гровиан услышал обрывки разговора между женой и дочерью, давшие ему повод для самых страшных подозрений. «Адвокат» — это слово было произнесено не раз и не два. Убеждать себя в том, что речь идет о случае на дороге или о разногласиях с арендодателем? Нет, он был не настолько наивен.

Рудольф решил серьезно поговорить с дочерью, хоть и знал, что это бессмысленно и что

он только лишний раз выйдет из себя. Но, прежде чем он успел исполнить свое намерение, за ним приехали. Это случалось очень часто, такая уж у него профессия.

Рудольф Гровиан был главным комиссаром полицейского управления в районе Рейн-Эрфт, начальником первого участка. Он годился Коре Бендер в отцы. Но вместо того, чтобы заботиться о ней, задавал ей неприятные вопросы о прошлом. Медленно, но уверенно увлекал ее назад, прямо в пучину безумия, которого она боялась больше, чем смерти.

Эта встреча была губельной для них обоих: полицейский, который в нерабочее время был раздраженным, а иногда и чувствующим вину отцом, и женщина, жившая с осознанием, что отец не может помочь, что все становится только хуже, стоит ему вмешаться.

Возможно, что в эту субботу Рудольф Гровиан был несколько более раздражен, чем обычно, однако обязанности свои выполнял как всегда — спокойно и слегка отстраненно.

Когда его известили о происшествии на озере Отто-Майглер-Зе, он поехал в участок, собрав коллег, даже тех, кто обычно не занимался тяжкими преступлениями.

Несмотря на то что были выходные, работа спорилась. Свидетелей разместили в кабинетах.

Рудольф поговорил с каждым из них, чтобы составить первое впечатление.

Люди очень старались припомнить все до мельчайших подробностей, однако ничто не указывало на катализатор, вызвавший катастрофу. В таких случаях — Рудольф знал это по опыту — он таился либо где-то в прошлом, либо в самой природе убийцы. Чтобы обвиняемый ни с того ни с сего набросился на совершенно не знакомого ему человека — с таким Рудольф Гровиан еще ни разу не сталкивался и никогда об этом не слышал.

Женщины топили своих детей, пробивали головы спящим мужьям, травили или душили беспомощных матерей, устав от необходимости ухаживать за ними; женщины убивали мужчин, с которыми у них были близкие отношения. Все, что Рудольф Гровиан услышал в тот субботний вечер в промежутке между семью и девятью часами, отлично вписывалось в привычную схему.

Самое важное сообщил ему друг и коллега Георга Франкенберга, Винфрид Майльхофер. Как и жертва, Майльхофер работал врачом в университетской клинике в Кельне, был человеком рассудительным. Несмотря на шок, он позволил себе всего одно-единственное не подкрепленное фактами замечание. Мол, эта женщина набросилась на Георга, словно «божественный судия».

Майльхофер заявил, что чувствовал себя так,

словно его парализовало, что он был просто не в силах отреагировать на нападение должным образом. Казалось, Франки и сам справится с этой женщиной. После первого удара, который ни в коем случае не мог быть смертельным, он схватил ее за запястье.

Отец семейства подтвердил его слова.

— Не понимаю... Такой высокий сильный парень... Он ведь схватил ее. А потом отпустил. Я хорошо это видел. Она не вырывалась, он мог бы легко ее удержать. Но вместо этого безо всякого сопротивления позволил себя зарезать. А как он при этом на нее смотрел! Мне показалось, что он знает ее и прекрасно понимает, почему она это делает.

Когда Рудольф передал Винфриду Майльхоферу слова мужчины о том, что Георг Франкенберг был знаком с Корой Бендер и узнал ее, тот в ответ пожал плечами.

— Может быть. Мне это неизвестно. Когда мы пришли на пляж, там был только мужчина с ребенком. Женщина пришла позже — наверное, она плавала в озере. Я обратил на нее внимание, потому что она очень странно смотрела на Франки и Уту. Мне показалось, что она испугалась. Но я не думаю, что Франки ее заметил. Я еще хотел указать ему на нее, но потом она села и перестала обращать на нас внимание, и я расслабился. Когда это

случилось... Франки уставился на нее и что-то пробормотал. Я не разобрал слов... Мне очень жаль, господин Гровиан, но я больше ничего не могу вам сказать. С Франки я знаком всего года два. И всегда считал его спокойным, рассудительным человеком. Даже представить себе не могу, что он дал этой женщине повод для подобного поступка. «Он не будет тебя бить», — сказала она Уте. Но Франки был не из тех, кто бьет женщин. Напротив, женщины были для него чем-то вроде святыни.

Винфрид Майльхофер сообщил, что однажды Франки рассказал ему одну историю. Мол, в самом начале учебы он познакомился с девушкой и по уши в нее влюбился. А потом она умерла в результате несчастного случая.

Майльхофер заявил:

— Он не уточнял, но мне почему-то показалось, что Франки видел, как она скончалась. И так и не оправился от потрясения. Не думаю, что после этого случая у него были интрижки. Франки полностью посвятил себя работе. Он так и не простил себе то, что не смог ей тогда помочь.

Винфрид Майльхофер вспомнил о случае, который характеризовал отношение Франки к прекрасному полу и к своей профессии. Они потеряли пациентку, молодую женщину, — легочная эмболия после операции. Это произошло около года тому назад. Такое случается, с этим

нужно смириться. Но Франки не смог. Он словно обезумел, сломал умершей два ребра, пытаясь ее реанимировать. А после напился и не хотел идти домой.

Винфрид Майльхофер не оставил его в беде. Они вместе пошли в пивную. Там играла музыка. Франки говорил о мертвой пациентке, о том, что не понимает, как молодая женщина могла умереть у него на операционном столе. А потом вдруг начал рассказывать о своей музыке. О нескольких безумных неделях в своей жизни. Однажды друг убедил его поиграть на ударных. Это было большой ошибкой; лучше бы он сосредоточился на учебе.

Только через несколько часов Франки позволил Винфриду Майльхоферу увести его домой. Тогда-то и рассказал ему о девушке, которую любил и потерял. А потом показал Майльхоферу кассету, которую Ута принесла на озеро. Франки прослушал ее, сидя на полу и барабаня кулаками по воздуху в такт музыке. «Я каждый вечер слушаю эту мелодию, не могу иначе, — говорил он. — Когда я ее слышу, она снова рядом со мной. Я чувствую ее присутствие, и мне удается уснуть».

Станным человеком был этот Георг Франкенберг, очень серьезным, ответственным, подверженным депрессиям, с фатальной любовью к скоростным автомобилям. Кто-то мог бы

заподозрить, что он не очень любил жизнь. Винфрид Майльхофер не раз опасался, что после выходных больше его не увидит. И только Ута сумела вырвать Франки из объятий меланхолии.

После информации о жертве Рудольф Гровиан надеялся узнать кое-что о жизни убийцы. Полицейские, приняв во внимание то, что на руках у мужа Кору Бендер остался ребенок, предложили ему поехать домой. А потом хотели отправиться следом и побеседовать с ним.

Однако Гереон Бендер отчаянно этому воспротивился. Он не хотел быть исключением. Ехать домой в сопровождении полиции — это неслыханно! Если всех свидетелей повезут в участок, то и он тоже поедет. Ребенок не создаст проблем. Малыш вел себя смирно, сидел на коленях у отца, ел печенье и только один раз потребовал, чтобы его отвели к матери.

Тоненький детский голосок еще несколько дней не отпускал Рудольфа Гровиана, он словно заноза засел в его теле. Гереон Бендер с нажимом повторял:

— Не знаю, почему она вдруг сбрендилась. Я вообще ничего не знаю. Она никогда ни о чем не рассказывала, только раз о каком-то несчастном случае. Но проблем у нас не было. Иногда Кора ссорилась с моим отцом, потому что была слишком придирчива. И всегда добивалась, чего хотела. Она

говорила, что очень счастлива со мной — по всей видимости, это не соответствовало истине.

Берренрат, коллега Рудольфа из службы охраны порядка, прибывший на место происшествия одним из первых, случайно услышал кое-что интересное. Когда Кору Бендер уводили от тела Георга Франкенберга, ее муж кричал на нее. Она сохраняла спокойствие, лишь еще раз обернулась к нему и сказала:

— Прости, Гереон, мне не следовало выходить за тебя замуж. Я ведь знала, что несу с собой. Теперь ты свободен. Сегодня ты так или иначе освободился бы. Я хотела пойти к воде...

С точки зрения Рудольфа Гровиана, это замечание было весьма содержательным. Он сделал из него свои выводы и собрал кое-какую информацию, которая, казалось, подтверждала его предположение. Два совершенно независимых друг от друга указания на «несчастный случай» в прошлом и два свидетельских показания, которые — хотя и основывались исключительно на личных впечатлениях — подкрепляли подозрение: жертва и убийца встретились на озере Отто-Майглер-Зе не впервые.

Поначалу Рудольф Гровиан не думал, что реакцию Георга Франкенберга на нападение можно объяснить лишь испугом и потрясением. Он исходил из фактов, которые, казалось, лежали на

поверхности.

Когда после девяти часов вечера он встретился с Корой Бендер, то увидел дрожащий комок нервов с разбитым в кровь лицом, несчастную женщину с заплывшим глазом. Другой глаз смотрел на него с тревогой. Берренрат сказал Рудольфу:

— Она разваливается на части, господин Гровиан. Хочет поскорее от этого избавиться. Собиралась устроить тут уборку. Думаю, если бы я ей позволил, ваш кабинет сверкал бы чистотой.

А Берренрат хорошо разбирался в людях, и на его суждение можно было положиться.

Рудольф Гровиан был готов к тому, что вскоре Кора Бендер расплатится и, взывая к его сочувствию, начнет рассказывать историю о бывшей любви и об огромной ошибке, ну или что-то в этом духе, что позволит понять причину ее поступка.

Однако уже через несколько минут он с трудом сохранял спокойствие и приветливость, стараясь придерживаться проверенной тактики. В данный момент Рудольф был близок к тому, чтобы ударить кулаком по столу и дать понять этой душечке, что все имеет последствия. «Я не отрицаю своей вины. Этого ведь достаточно?» Он еще не встречал подобного хладнокровия.

Кора Бендер сидела напротив него, неподвижная, как гранитный валун. Не похоже,

чтобы у нее было учащенное сердцебиение. Она все еще не ответила на его последний вопрос. Казалось, эта женщина готова привести в исполнение свою безумную угрозу: «Больше я не произнесу ни слова». Рудольф ждал, что ее лицо окаменеет. Но вышло иначе.

Оно вдруг расслабилось. Взгляд словно бы устремился внутрь, руки разжались и спокойно лежали на коленях. Теперь это была симпатичная, изящная женщина, в джинсовой юбке, белой футболке и сандалиях. Молодая соседка, которой можно без опасений оставить на несколько часов своих детей. Душа семейного предприятия, уставшая после тяжелого дня.

Рудольф нерешительно посмотрел на нее, дважды назвал по имени. Кора не отреагировала. На миг ему стало не по себе. Его пробрал озноб. Жутко было видеть на ее лице следы побоев. Было ясно, что она — вопреки уверениям — совершенно не в себе. Вот только Рудольф связывал это скорее с ее физическим, нежели с душевным состоянием. Нельзя было сказать, что ее рассудок идет по тонкой кромке на краю обрыва. Однако несколько сильных ударов кулаком по голове...

Винфрид Майльхофер признался:

— Я думал, он ее убьет.

Не следует исключать, что Кора Бендер перенесла потрясение, последствия которого стали

заметны лишь спустя несколько часов. Рудольф уже слышал о таком. Если она упадет в обморок прямо здесь...

Нельзя полагаться на ее слова. Все-таки ей нужна помощь врача. Возможно, он также сможет проверить, не собиралась ли она покончить жизнь самоубийством.

Откладывать допрос было не в правилах Рудольфа Гровиана, но ему вдруг захотелось, чтобы в кабинет вошел прокурор и принял решение вместо него. Продолжать допрос? Или вести обвиняемую к судье, чтобы тот проверил законность ее содержания под стражей? А может, отправиться в ближайшую больницу и сделать Коре Бендер рентген головы, чтобы его потом не обвинили в халатности?

Но окружной прокурор занимался другим делом: в кельнской пивной поймали парня, подозреваемого в том, что он проломил череп своей подружке. Рудольф Гровиан услышал в телефонной трубке слегка недовольный голос:

— Я сейчас веду допрос. Приду завтра утром и заберу документы. Когда закончите с этой женщиной, везите ее к судье в Брюль. Ведь уже все ясно, не так ли?

На самом деле еще ничего не было ясно, ведь Кора Бендер утверждает, что была незнакома с жертвой. Но для судьи, проверяющего законность

содержания под стражей, достаточно свидетельских показаний. Об остальном могут позаботиться психиатры. Их обязательно привлекут к этому делу. Пусть ломают зубы...

Что-то подсказывало Рудольфу Гровиану, что он должен постараться как можно скорее от нее избавиться. Было в этой женщине что-то такое, что приводило его в ярость и — хотя при обычных обстоятельствах он ни за что бы себе в этом не признался — сбивало с толку. Чем дольше он молчал, тем отчетливее ощущал первое смутное сомнение. А что, если она говорит правду?

Чушь! Так не бывает, чтобы не имевшая судимости замужняя женщина без всякого повода заколола совершенно не знакомого ей мужчину.

Кора Бендер вертела на пальце обручальное кольцо. У нее под ногтями темнела кровь. Руки дрожали. Подняв голову, она посмотрела Рудольфу в лицо. Взгляд как у ребенка, беспомощный, растерянный.

— Вы что-то спросили?

— Да, спросил, — ответил он. — Однако вам, судя по всему, трудно сосредоточиться. Думаю, на сегодня мы закончим, госпожа Бендер. Продолжим разговор завтра.

Это будет наиболее разумным решением. Может быть, проведя ночь в камере, она станет сговорчивее. А может быть, воспользуется этим

временем, чтобы еще раз обдумать свое первоначальное намерение. *Пойти к воде!* Есть и другие способы... Нужно проинструктировать коллег, чтобы ее ни на секунду не оставляли без присмотра. Малейшее подтверждение его подозрений поможет ему все уладить. Рудольф чувствовал себя так же, как тогда, когда его дочь заявила, что хочет замуж: он перевел дух и подумал, что теперь-то наконец сможет отдохнуть.

— Нет-нет, — быстро возразила Кора. — Я в порядке. Просто иногда мне в голову приходят непрошенные мысли... — Ее руки задрожали сильнее, дрожь перекинулась выше, на предплечья и плечи. — Извините, если я отвлеклась. Я задумалась о муже. Его все это очень взволновало. Таким рассерженным я его еще никогда не видела.

Она говорила так, будто поцарапала машину своего супруга. Было заметно, что силы ее покидают. Кора смотрела на свои руки и, казалось, полностью сосредоточилась на том, чтобы не потерять самообладание. И Рудольф спросил себя, что будет, если это все-таки произойдет. Она расплатится и наконец скажет правду? Или повторится сцена у озера?

К нему снова подкралось сомнение, на этот раз голосок был громче. Кто она, черт ее подери, такая? Молодая женщина, которая неожиданно столкнулась с неприятным фрагментом своего

прошлого, или одна из этих ходячих бомб с часовым механизмом, которые долгие годы убеждают окружающих в собственной безобидности и нормальности, чтобы потом вдруг взорваться без видимой причины? Набросится ли она на него?

Он сидел к ней ближе, чем Вернер Хос, застывший за письменным столом, словно гипсовая статуэтка. Хос был для Рудольфа словно «скорая помощь» и обычно не вел себя столь отстраненно. Как правило, их мнения совпадали. Но не в этот раз.

Когда они втроем стояли у двери, Берренрат высказал предположение, что Кора Бендер вот-вот развалится на части, а Рудольф Гровиан коротко изложил свои мысли по поводу происшедшего. Хос же покачал головой.

— Не знаю. Такое совпадение было бы просто невероятным. Женщина, которая несчастлива в браке, хочет покончить жизнь самоубийством и именно в этот день наталкивается на человека, с которым у нее однажды что-то было. Скорее можно предположить, что у нее в голове что-то щелкнуло, когда она увидела, что вытворяли Франкенберги...

Звук ее голоса заставил Рудольфа Гровиана прервать размышления. Кора стушевалась.

— Можно мне все-таки кофе?

Он испытал огромное искушение ей отказать.